

У КАЖДОГО ИЗ НИХ ЕСТЬ ТАЙНЫ,
КОТОРЫЕ ХРАНИТ ЗАТЕРЯННЫЙ СРЕДИ ЛЕСОВ
ТУМАННЫЙ ГОРОДОК ЭТТОН-КРИК.

ВИКИ ФИЛДС

КОГДА МЕРТВЫЕ ЗАГОВОРЯТ

ИСКУПЛЕНИЕ ТЬМОЙ

Вики Филдс

Когда мертвые заговорят

Серия «Тайны Эттон-Крик», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67878030

Когда мертвые заговорят: Издательство АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-138899-7

Аннотация

«Назад пути нет, ты должна спасти Леду Стивенсон, чтобы уйти», – говорит Смерть. Но как спасти того, кто не хочет, чтобы его спасали? И что, если ты сам уже давно мертв?

Чтобы найти ответы на эти вопросы, Кая Айрленд должна вернуться в прошлое и вспомнить, что жертвы насилия – самые жестокие люди.

Когда мертвые начинают говорить, правду утаить невозможно. Совсем скоро Кая осознает: есть истории, которые не могут закончиться хорошо, ведь Эттон-Крик не отпускает того, кто уже сделался частью этого города.

Содержание

Глава I	5
Глава II	102
Конец ознакомительного фрагмента.	166

Вики Филдс

Когда мертвые заговора́т

© Филдс В., 2022

© ООО «Издательство «АСТ», 2022

*** * ***

*Эта книга посвящается тем,
кто никогда не сдается*

Глава I

Когда мертвые начинают говорить

Декабрь 2012

Ферма Вишенских

– Мне кажется, не стоит сегодня их ждать, – задумчиво произнесла Нина, глядя в окошко. Молчание за ее спиной было очень многозначительным. Женщина обернулась и скептически пробурчала: – Виктор, ты не хочешь поучаствовать в беседе? Я говорю, внуков сегодня мы не увидим. Будет буря. Посмотри, что творится с небом. Ветер воет так, что я боюсь, выбьет все стекла в доме.

– Мм, – ответил Виктор, перелистнув страницу потрепанной книги. – Знаешь, Нина, я думаю, что убийца – дворецкий. Посуди сама: он знает все обо всех. Подозрительный тип, ты не находишь? Но с другой стороны, разве все может быть настолько очевидно? – Он показал жене книгу, на обложке которой красовался окровавленный нож, воткнутый в деревянную столешницу. – Тут только середина, и если преступника раскроют сейчас, в чем секрет? Автор не может быть так глуп. Эм... – Он смутился от пронизывающего взгляда жены и мягко спросил:

– Ты что-то говорила?

– Я думаю, что убийца – жена.

– Милая, прекрати. – Он закатил глаза и поднялся на ноги. Приблизившись к окну, он наконец расслышал зловещий шум ветра. – Мы могли бы залезть в подвал.

– Что?

– Ничего. Ты выглядишь очень привлекательно, когда показываешь недовольство. – Положив руки ей на плечи, Виктор легонько помассировал их. – Раз нас настигла буря... и раз Вера с Катриной не приедут, мы могли бы спрятаться в подвале.

– Не будь таким противным! – возмутилась Нина, но все же на ее губах мелькнула предательская улыбка. Виктор крепко обнял жену, шепнув в седеющие волосы:

– У нас припрятана бутылочка хорошего вина.

– Как она поможет справиться с бурей?

– Она поможет мне справиться с тобой.

Нина нехотя высвободилась из объятий и вновь отвернулась к окну. Ночь была темной. Декабрь давно вступил в свои права, и на поля легла серебристая изморозь.

– А вдруг с Верой и Катриной что-то случилось?

– Ничего с ними не случилось! – раздраженно отрезал Виктор. – Марк ни за что бы не отпустил детей в такую погоду. Прекрати сгущать краски, Нина.

Виктор вернулся в кресло, схватил книгу и уткнулся взглядом в страницу, пробурчав:

– Рекомендую тебе посмотреть свой сериал, пока у нас не отключили электричество. – Едва он договорил, как во всем

доме потух свет. Нина застыла у окна, словно каменная статуя, а со стороны кресла послышался раздосадованный стон:

– Я только собрался выяснить, не дворецкий ли часом зарубил всех топором!

– Виктор! – пискнула Нина, обхватив себя руками и не двигаясь. Она чувствовала, как сквозь стекло ощутимо просачивается декабрьский холод. Послышался скрип половиц.

– Ну правда, Нина. Он убил их всех. Готов спорить, он прятался на чердаке, пока они спали.

– Виктор, – предупреждающе начала Нина, но он не слушал:

– Взял свой топорик и – ХРЯСЬ!

– ВИКТОР!

Он рассмеялся совсем рядом:

– Я шучу, Нина. Ну не бойся ты, – он приобнял ее. На фоне окна фигурка женщины казалась дрожащей хрупкой тенью. – Сейчас я спущусь в подвал и...

Она ухватила его за рубашку:

– Я боюсь.

– Знаю, – спокойно ответил он и осторожно отцепил ее пальцы от своей одежды. – Прекрати этот спектакль, Нина. В школе ты постоянно дрожала, стоило замигать лампочке. Ты уже не в школе. Прекрати! Сейчас я вернусь. Я быстро.

Глаза Нины уже привыкли к темноте, и она сумела различить фигуру мужа, чье зрение было гораздо лучше ее. Он проследовал на кухню за фонариком, что-то бурча о том, что

женщина, родившая троих детей, не должна бояться такого пустяка, как выключенный свет.

Общий зал снова стал привычным убежищем с уютным камином, телевизором, мягким диваном и книжными стеллажами. В сумраке мебель была черной и едва различимой, но Нина скользнула к креслу, где ранее сидел Виктор, и, опустившись на самый краешек, принялась ждать, настороженно прислушиваясь к каждому звуку. На кухне слышалась возня.

– Где фонарик?

– В нижнем ящике стола! – раздраженно ответила Нина. Виктор постоянно перекладывал вещи, а затем не мог их отыскать. Зрение хорошее, а память при этом ужасная.

– Нашел!

Несколько секунд спустя Виктор вошел в зал и поставил на столик перед женой горящую свечу в антикварном подсвечнике.

– Подожди еще пару минут.

Нина кивнула, ощутив себя гораздо увереннее. Оставшись в одиночестве, она поудобнее устроилась в кресле и прикрыла веки. Сейчас мысль о том, чтобы пригубить чуточку вина, не казалась неуместной, как пять минут назад.

Очевидно, Марк действительно не выпустил внушек из дома. И правильно сделал. Девочки боятся темноты хуже меня!

Нина вздрогнула, услышав перед входной дверью ка-

кую-то возню. Резко обернулась на шум.

Тук. Тук. Тук.

Дверная ручка дернулась, будто кто-то случайно задел ее. Или планировал вломиться в дом. Фитилек свечи дрогнул – так подскочила Нина.

Она шагнула в сторону, и пламя покачнулось в такт.

Тук.

Женщина ступила на шаг назад, подальше от двери.

Тук.

– Виктор?

Может, он пугает ее? Но нет, они с Виктором уже много лет женаты, и он не стал бы так жестоко шутить над супругой, зная о ее страхах.

Тук.

За окном протяжно выл ветер, стекла дрожали. Нина подумала, что, возможно, это мусорный бак опрокинулся и какая-нибудь железная банка теперь стучит у двери... но тут сквозь свирепый шум бури Нина услышала страшный голос:

– *Помогите.*

Нина едва не закричала.

Это призраки?

Она одернула себя: призраков не существует.

– *Помогите, пожалуйста.*

Слабый, тоненький голосок, вызывающий дрожь в ногах. По спине и рукам Нины побежали мурашки. Пальцы подрагивали, когда она взяла свечу и направилась к двери. Голо-

сок ребенка продолжал молить о помощи, но делался все тише и тише, превращаясь в шепот.

– *Помогите.*

Отбросив ужасные мысли и запечатав где-то глубоко внутри страх, Нина рывком распахнула дверь. Пламя свечи погасло. Одновременно с этим загорелся верхний свет и слышался голос Виктора:

– Нина, ты жива?

Она застыла на мгновение, сжимая в пальцах дверную ручку и подсвечник, а затем выронила его и закрыла обеими ладонями рот, чтобы заглушить вопль. На пороге стоял демон.

* * *

– ДЕМОН!

– О боже! – Виктор рванулся вперед и успел до того, как девочка в дверях потеряла сознание. Он подхватил ее на руки и под испуганное бормотание жены уложил на диван в гостиной. Убрал с лица незваной гостьи засохшие от крови волосы и посмотрел на Нину. – Господи, как ты могла спутать ее с демоном? Взгляни, она совсем ребенок.

Нина склонилась к существу на диване. Средний рост, хрупкое телосложение, длинные темные волосы. Ее лицо и одежда были в крови, на ноге странный бугор: присмотревшись, Нина поняла, что это самодельная повязка.

– Нужно вызвать полицию. И «Скорую».

– Телефон из-за бури отключен, – сообщил Виктор. – Придется действовать своими силами. Прекрати дрожать, Нина!

Она подскочила, опустив руки. Сердце едва не выскакивало из груди, но теперь от ужаса: что случилось с этой малышкой? Она чуть старше их внучек. Такая маленькая!

– Нужно срочно обработать раны, пока не началось заражение. – Виктор отстранился и беглым взглядом осмотрел тело незнакомки. – У нее многочисленные травмы, ты только посмотри на это... Пальцы сломаны. Кровь на шее. Кажется, вывихнут плечевой сустав. Понятия не имею, как она пришла сюда. Господи, у нее рана на бедре. Но, судя по всему, артерия не задета. – Виктор потянулся к повязке, но его запястье внезапно сдавили пальцы.

Нина вскрикнула, а Виктор изумленно посмотрел на девочку. Ее глаза были открыты, но по взгляду можно было понять, что она ничего не осознает. Ее лицо было сплошь покрыто кровавыми каплями, к щекам прилипли волосы.

– Я не трогаю, – прошептал Виктор и расслабил запястье. Девочка почувствовала это и выпустила его руку. Виктор наблюдал за ней: как она тяжело вздохнула, приходя в себя, как попыталась сесть, но со стоном рухнула на спину.

– Как тебя зовут? – тем же приглушенным тоном спросил он. Девочка не реагировала на голос. Она сжала зубы и снова выпрямилась, не замечая ни его, ни Нину.

Внезапно она всхлипнула, и Нина зажала обеими руками рот.

– Что с тобой случилось, малышка?

Девочка судорожно всхлипывала, и ее тело содрогалось от слез, что явно причиняло ей еще больше боли. Когда она зажмурилась, Виктор взял жену под локоть и отвел ее в сторону.

– Нина, – прошептал он, – нам надо срочно обработать раны. Если начнется заражение...

– Что с ней случилось? – шепнула она в ответ.

– Не знаю, она в шоке. Кажется, на нее кто-то напал.

– Куда она делась? – с паническими нотками в голосе спросила Нина, выглянув из-за его плеча, и Виктор обернулся.

– Чт...

Они бросились в ванную, откуда доносился шум. Девочка уже отыскала аптечку и вытряхивала на пол целые упаковки таблеток. Нина провожала взглядом каждую коробку с лекарствами, летевшую вниз. Виктор застыл. Девочка по-прежнему плакала, но выражение ее лица оставалось решительным.

Стоя на одной ноге, а вторую приподняв над кафельным полом, она больше не выглядела ребенком. Нина беспокойно шепнула Виктору в плечо:

– Может, она ищет наркотики?

– Тш, – шепнул он и обратился к девочке: – Что ты

ищешь?

Она уже нашла то, что искала, и левой рукой вскрыла пузырек с таблетками. Выкинула несколько капсул на правую покореженную ладонь и проглотила. Вскинула голову. Зажмурилась.

Затем, все еще дрожа, перевела взгляд на Виктора и, прихрамывая, приблизилась к нему. Виктор почувствовал, как у него мурашки бегут по спине, как Нина сжала его предплечье с такой силой, что, кажется, перекрыла доступ крови.

– Мне нужны нитки.

Виктор понял, что девочка все еще их не замечает. Для нее они просто объекты. Может, она даже не осознает, что жива и находится в обычном фермерском доме. Поэтому Виктор знал, что ее срочно нужно доставить в больницу – до того, как ее мозг очнется от шока.

– Зачем тебе нитки? – спросил он.

– Мне нужны нитки, пожалуйста. Мне нужны нитки. Нужно зашить рану. Иначе я истеку кровью. Если я умру, Джорджи тоже умрет.

Нина сильнее вцепилась в Виктора, и он накрыл пальцы жены ладонью.

– Я умею, – заверила девочка. – Я умею ушивать. Вы только принесите мне нитки и иглу.

– Хорошо.

Виктор вышел из ванной комнаты, и Нина поспешила следом.

– Ты же не серьезно? – прошептала она.

– Посмотрим, что она будет делать. Она не понимает, где находится. Ты ведь видишь это по ее глазам? Дадим ей нитки и посмотрим. Рану действительно нужно зашить.

– Ты же не серьезно?..

– Нина. – Виктор повернулся к жене, когда они оказались наедине в их спальне. – Ты что, не узнала ее?

– Кого? Эту девочку?

– Это не просто девочка. Это Кая Айрленд.

Нина отшатнулась, прижав руки к груди.

– *Кая Айрленд?*

– Да, – просто ответил он и направился к трюмо, где в нижнем ящике всегда лежала коробка со швейными принадлежностями.

У Нины внутри шевельнулось нехорошее чувство.

– Она пропала аж две недели назад, никто и не надеялся ее найти, – шепнула она. Виктор достал коробку и поднялся на ноги. Скептически хмыкнул без доли веселья в голосе:

– А она нашлась сама, поэтому давай поможем ей не умереть. Ты видела ее решимость. Она же ходила в военную школу, помнишь, об этом во всех новостях твердили?.. Может зашить себя.

– З-за-зашить? – в ужасе пробормотала Нина. Ее глаза опять стали круглыми, и Виктор со вздохом сказал:

– Просто останься здесь, хорошо? Я разберусь.

– Нет! Нет, она ведь там совсем одна! Ей будет больно! –

воскликнула Нина, быстро качая головой. Виктор, не возражая, отпер дверь и вышел в коридор. В доме стояла мертвая тишина, но прямо рядом с окном, ведущим в сад, было слышно ритмичное кап-кап-кап – это в ведро для поливки помидоров капал дождь.

Кая Айрленд все еще была в ванной. Она достала из аптечки спирт, пачку таблеток, пинцет и ножницы. Разложила все это на тумбе и, пытаясь стоять прямо без опоры на раненую ногу, вскинула левую руку со шприцем вверх и выпустила из иглы воздух.

Виктор заметил, что она освободилась от штанины. Окровавленная ткань уже была в мусорном пакете. Нина сжалась за спиной мужа, не в силах оторвать взгляда от искаленной ноги. На ней не осталось ни единого живого места: где-то были крошечные срезы кожи, а где-то просто воспалившиеся царапины. Но хуже всего была та ужасная рана, которая по-прежнему кровоточила. На ней были кусочки ниток – видимо, кто-то уже попытался зашить ногу.

– Вы принесли то, что я просила? – спросила Кая Айрленд слабым голосом. Виктор понял, что у нее начинается жар. Может, в ране распространилась инфекция? Он абсолютно ничего не понимал в медицине, однако, глядя на решимость Каи, у него появилось чувство уверенности, что все закончится хорошо.

– Да, я принес, – ответил он.

– Положите в раковину.

– Хорошо. – Он оставил в раковине коробку с нитками и отступил назад к двери.

Прихрамывая, Кая подошла к ней и сказала Виктору:

– Пожалуйста, откройте.

Виктор шагнул вперед. Нина осталась стоять на месте, парализованная ужасом. Она следила за тем, как по ноге Каи Айрленд скатилась багровая струйка крови. Она спотыкалась о царапины и окропляла синюшные гематомы.

– Я не могу на это смотреть! – Нина стремительно вылетела из ванной комнаты.

– Иглу, пинцет и ножницы. Обработайте спиртом. И прокалите как следует. Пожалуйста.

– Д-да.

Он схватил подручные инструменты и выбежал следом за женой. Он не хотел смотреть, но краем глаза заметил, как Кая Айрленд склонилась и всадила иглу себе в ногу. Жуткое, жуткое, *жуткое* зрелище. Он больше ни за что не станет смотреть медицинские детективы, ни за что не станет читать подобные книжки.

Когда Виктор, действуя на автомате, выполнил все указания и вернулся, Кая Айрленд уже была в медицинских перчатках, найденных здесь же, в аптечке. Под взглядом Виктора она, морщась, насыпала прямо внутрь раны на ногу какую-то белую штуку. Затем, не вставая с унитаза, она дотянулась до пинцета и взяла им ватный тампон. Смочила его спиртом и протерла ногу рядом с раной. Так она поменяла

несколько тампонов, пока последний после протирания не остался чистым. Затем Кая снова взяла тампон, обмакнула его в йод и дрожащей рукой обработала края раны, оставляя крошечное расстояние до поврежденной кожи.

Виктор зажмурился, а когда открыл глаза, то не поверил увиденному: сначала Кая срезала кожу по краям раны, а затем залезла внутрь пинцетом. Виктора затошнило, и он отвернулся, но картина все равно стояла перед глазами: как девочка извлекает остатки ниток и какие-то странные комочки из раны, испачканные в крови.

Желчь подкатила к горлу, но он с усилием сглотнул и обернулся. В глазах Каи заблестели слезы, лоб покрылся испариной, и дрожали руки, но она продолжала измываться над собственной ногой.

Виктор смотрел как завороченный. Он представить себе не мог, что когда-нибудь в его ванной комнате кто-то будет проделывать нечто подобное. Он не мог представить, что Кая Айрленд сумеет прооперировать себя. Она всего лишь ребенок, и, судя по всему, у нее сломана правая рука.

Срочно нужно вызвать «Скорую». Срочно. Не важно, что именно умеет эта девочка, но в подобных обстоятельствах можно и ноги лишиться.

– Виктор.

Он подскочил и обернулся – Нина стояла прямо позади него, бледная как призрак.

– Как она?

Виктор с трудом разлепил губы:

– Держится хорошо. Прошло пятнадцать минут, а она даже не поморщилась.

– Виктор, как только буря утихнет, я поеду в город за помощью. Нельзя так это оставлять. Нельзя.

Он кивнул и отвернулся. Кая Айрленд кое-как обработала рану и теперь ушивала ее шелковыми нитками. Мертвенно-бледное лицо все еще было сосредоточенным, в глазах – пустота. Виктор слышал, как ее дыхание участилось и стало тяжелым, а затем она вдруг стала заваливаться в сторону. Нина вскрикнула, а Виктор бросился к Кае и успел до того, как та упала на пол.

– Божечки! – Нина за его спиной разрыдалась. – Что теперь делать? Что нам теперь делать?

Она задавала риторические вопросы, и Виктор не знал, как на них ответить.

Они втроем в ловушке. За окном буря клонит деревья к земле, обрывает провода, яростно стучит в окна, а здесь истекает кровью девочка, которая две недели назад исчезла без следа.

* * *

Открыв глаза, я увидела слепящий яркий свет. Все в одно мгновение стало резким, четким, в голове крутилось: ничего не закончилось. Я не сбежала. Я на прожекторском сто-

ле. Вот в комнату входит Стивен Роджерс. Он что-то говорит, но я не слышу. Дергаю руками, закованными в ремни, натягиваю их на запястьях и изо всех сил кричу. Зову на помощь. Но никто не приходит. Я только чувствую болезненный укол в предплечье. А потом он говорит: «Все будет хорошо, Кая Айрленд» – и я больше ничего не слышу.

*** * ***

– Это будет сложно.

– Вы должны отвязать мою дочь.

– Мы не можем. Она пыталась напасть на медсестру.

– Но...

– Нет. Она не может оставаться на постели. Она все время пытается спрятаться под кровать. У нее слишком серьезные раны. Еще один подобный фокус, и она может остаться калекой.

Тишина, затем снова заговорил доктор:

– Она зашила себе рану сама.

– Да.

– Она сделала это сама. Своими руками зашила свою ногу.

– Я понял.

– Нет, вы не поняли. Я не спору, что Кая особенная, что она не такая, как все, но ей всего лишь шестнадцать лет. Вы представляете, что с ней сделала эта боль? Вы можете представить, что она пережила, чтобы сама себе зашить ногу?

– На что вы намекаете, доктор?

– На то, что мы не можем пока что отвязать ее. Для ее личной безопасности. У нее галлюцинации. Если так продолжится и дальше, она может сама себе нанести вред. Если она смогла зашить себе ногу, то сможет вновь разорвать швы.

– Да о чем вы?! Зачем моей дочери это делать?!

– Просто чтобы почувствовать себя живой, мистер Айрленд. Вот и все.

* * *

Февраль 2013

В феврале сад вокруг больницы был красивым: высокие ели в белых шапках, клумбы, припорошенные снегом. Ненавижу зиму. Ненавижу, что она забрала Джорджи. Сначала подарила ее, а затем жестоко отняла. Оставила меня одну. Не могу прекратить об этом думать. О том, что я тоже отняла чью-то жизнь.

Отойдя от окна, я, прихрамывая, вернулась на больничную койку. Дверь палаты была открыта, поэтому я видела, как мимо ходят медсестры и пациенты. Первые игнорировали меня, вторые с интересом заглядывали в мое белое убежище.

С трудом устроившись на постели, я снова потянулась к ноутбуку, и когда загорелся экран, скользнула взглядом по открытой ранее статье на сайте местных новостей.

«Стивен Роджерс

Дата рождения: 25 декабря 1985 года

Род занятий: учитель литературы в старших классах

– Он родился и вырос в неполной семье, – сообщает нам соседка мистера Роджерса, которая пожелала остаться неизвестной. – Отец постоянно его бил, словно дворовую собаку, гонял туда-сюда за пивом. Но мальчик все равно успешно получил аттестат и даже добился стипендии.

– Вы слышали что-нибудь о Стивене после того, как он окончил школу?

– Я слышала, что он устроился на работу в соседском городе. Он с детства любил литературу и язык. Его мать звали Ванессой. Пока она не покончила с собой, то всячески помогала сыну развиваться. Если вы понимаете, о чем я. Сделать это в таком крошечном городке как наш очень сложно. У нас даже нет кинотеатра».

Его мать звали Ванессой, и она покончила с собой. Знала ли она, какое чудовище произвела на свет? Я не хочу думать, что у Стивена был выбор кем становиться. Не хочу думать, что все могло обернуться иначе, если бы Ванесса не сдалась и довела воспитание сына до конца. Не хочу думать, что Стивен был бы нормальным парнем, если бы его не мучил отец.

Не хочу. Потому что Стивен был просто чудовищем и все тут. Он уже родился ненормальным. Он родился таким.

Внутренне я сжималась всякий раз, как только родители навещали меня. Я не могла спрятаться в ванной, не могла забраться под одеяло. Я не могла на них смотреть, но их лица, казалось, были повсюду.

Стоило мне потерять бдительность, и в голове тут же всплывали обрывки фраз, слова отца, слова доктора...

— Я боюсь, что ее мозг будет реагировать только на негативные раздражители. Она все еще не может принимать душ. Прошло более двух недель. Она не позволяет запереть дверь в палату и в ванную комнату. А когда входят медсестры, она пугается.

— Мы должны забрать ее домой.

— Мэгги.

— Да, мистер Айрленд прав, вам стоит оставить ее здесь. Мы должны позаботиться в первую очередь о ее психике. Она перенесла несколько операций, поэтому сейчас важно позаботиться о ее спокойствии. Лучшие оставить ее здесь. Дома Каю будут преследовать воспоминания.

Теперь, когда я смотрела на лица родителей, то вспоминала слова доктора: что я не могу залезть в кабинку в ванной комнате; что часть моего мозга умерла; что я мертва для общества...

Мама не знала, как реагировать, ни тогда, ни сейчас. На

папином лице была каменная маска. Наверное, как и на моем. Я замерла на кровати, даже не дышала. Боялась чего-то.

Мама наконец приблизилась и поцеловала меня в лоб. Я прикрыла веки и на мгновение позволила себе подумать, что все хорошо. А потом открыла глаза и вернулась в реальность. Мама была мамой Джорджи. Я потеряла Джорджи. Как она может меня любить? А может, и не любит?

Я всмотрелась в ее лицо: морщинки у карих глаз, темные вьющиеся волосы... Мама даже никогда не выпрямляла их, как часто делала миссис Нэтвик – говорила, что так она выглядит непринужденнее. На секунду она отвела взгляд, чтобы посмотреть в потолок, затем улыбнулась мне сквозь слезы:

– Ну что, малышка?

Что она имеет в виду? Что это значит?

Папа вздохнул. Он стоял в изголовье кровати, нависал над мной словно башня. Молчал. Я перевела на него взгляд, и он спросил:

– Готова вернуться домой?

Мое сердце дрогнуло, и я снова ощутила страстное желание забиться в угол.

– Кая? – позвала мама. Прочистив горло, я громко сказала:

– Разве доктор разрешил?

Папа тут же рассердился: в его глазах мелькнул стальной блеск, губы сжались в тонкую полоску, но затем он вздохнул

и мягко ответил:

– Если ты не хочешь здесь оставаться, Кая, я заберу тебя.

Оттого, что он назвал меня по имени, по спине побежали мурашки, но я сидела смирно. В голове вновь всплыли слова доктора о том, что мой мозг все превращает в негатив. Папа просто назвал меня по имени. Это просто имя. Мое имя.

Я отвернулась к окну, чтобы побороть нестерпимое желание спросить, любят ли они меня. *Вы все еще любите меня после похорон Джорджи? Вы правда хотите забрать меня домой?* Хотелось спросить, что они чувствуют, глядя на меня, но это было бы ребячеством. Просто пока со мной не все в порядке.

Вдруг мама крепко обняла меня, прижав к себе.

– Малышка, все будет хорошо, – шепнула она, и я широко открыла глаза, боясь сморгнуть накатившие слезы.

– Так. Довольно, Кая, – резко оборвал отец. – Ты должна прекратить. Хватит, ясно? – Он подошел к моей постели и схватил за плечо, оттеснив маму. Мое тело вспыхнуло от боли, когда папа рванул меня, заставив принять вертикальное положение. Я напряглась. Понимала, что удара не последует, но тело само собой сжалось, ожидая боли.

Мама схватила его за рубашку, попытавшись оторвать от меня, и я повернула голову в ее сторону, но отец взял меня за подбородок.

– Смотри. На меня. – Он зажмурился, а когда открыл глаза, я увидела, что они блестят от слез. – Мы тебя любим. –

Мама отпустила его и отступила к окну. Отвернувшись, спрятав руки на груди. Я тоже хотела спрятать руки. Хотела сжать на своем горле пальцы и подавить всхлип. Хотела, чтобы папа отпустил мое лицо.

– Смотри на меня, Кая, – уже спокойнее попросил он, и я оторвала взгляд от мамы и посмотрела на него. – На меня. Ты наша дочь. Ясно? Наша дочь.

А затем он крепко обнял меня и поцеловал в макушку. Следом к нашей скромной компании присоединилась мама. Я почувствовала, что хочу плакать, но слезы высохли. Я снова подумала: «Отец говорит это потому, что он расстроен. Ты же видишь, как сильно он пытается убедить себя в том, что любит тебя, несмотря ни на что».

Мама шумно втянула носом воздух и отстранилась. Папа тоже выпрямился и сделал пару шагов назад, давая мне пространство.

– Кая, сегодня у тебя гость.

В моем сознании раздался тревожный звоночек.

– Какой гость?

– Ной Эллис.

Мама произнесла это таким воодушевленным голосом, что, должно быть, сам президент решил пожаловать в мою палату и принести корзинку с фруктами. Я открыла рот, чтобы отреагировать, но тут заметила движение в дверном проеме. Ной Эллис был во всем темном, но его голубые глаза-льдинки сияли.

Мама с улыбкой взглянула на меня и я, отвернувшись, шепнула:

– А кто это?

* * *

20 ноября, 2016, архив больницы, Эттон-Крик

Я все еще смотрела на выписку из карты Дэйзи Келли, но уже не могла разобрать слов. Вокруг поднялся какой-то шум, и я на секунду испугалась, что оглохла. Это был тот самый звон из прошлого, когда машина детектива Гаррисона взлетела на воздух, а затем доктор Арнетт предупредил, что я могу навсегда остаться глухой на одно ухо.

Я охнула от боли, прижав ладонь к правому виску – звон все нарастал. Казалось, на моем лбу колючий металлический обруч, который все сжимается и сжимается... Но когда я зажала уши руками, внутренний голос все равно не замолк. Обессилев, я схватилась за столешницу, чтобы не упасть.

Я не могу быть дочерью Дэйзи Келли. Я не могу быть ребенком Криттонского Потрошителя. Это невозможно.

Это все случайность, простое совпадение...

Но вот она, выписка из карты Дэйзи Келли, в моей руке. Я отбросила ее от себя, затем стянула халат, сунула в сумку и закинула ее на плечо. Подхватив куртку, я зашагала к лестнице. Это ложь. Это все ложь, это не правда. Это невозможно.

Да, все верно, я родилась двадцать девятого сентября в девяносто шестом году. И как раз в том же году в конце сентября родился ребенок Дэйзи Келли. *Но ведь это ничего не значит.*

Я оступилась на первой ступени и чуть не свернула шею. Облокотилась спиной о стену и подняла голову к потолку, прикрыв веки. Нет, это имело значение. Дэйзи Келли родила дочь в конце сентября, у нее вторая группа крови, у нее аллергия.

Приступ снова накатил. Почувствовав, как внезапно перехватило дыхание, я закашлялась, распахнув глаза. Лихорадочно дотянувшись до контейнера с таблетками, я положила одну на язык. Облегчения не наступило. Подергав воротник свитера, я сосредоточилась только на дыхании. В следующее мгновение зазвенел будильник, и я лишь спустя несколько долгих секунд вспомнила о том, что доктор Арнетт дал мне времени до девяти вечера. Значит, пора смываться, иначе он разъярится.

Вдруг эта мысль, что я боюсь гнева куратора, развеселила меня. Не в силах сдержать смех, я, тупо хихикая, побрела к двери. Прежде чем выйти из подвала, я расправила плечи, пригладила волосы, собранные в хвост, вытерла щеки. Они почему-то были влажными. Не знаю, почему – я не плакала. Я не должна была плакать, ведь ничего не случилось. Все хорошо. Все хорошо.

Все хорошо, Кая, – в последний раз приказала я себе, за-

тем вышла в коридор и закрыла дверь на ключ. Прощаясь с охранником, я заметила, как он странно косится в мою сторону. Что такое, в чем дело? У меня что, синяки на лице, или странная прическа, или я наизнанку надела свитер?

Или он догадывается, что я – дочь монстра, дочь Криттонского Потрошителя?

Нет, *возможная* дочь.

– Все нормально? – охранник нахмурился, и я поняла, что это я пристально смотрела на него. Я кивнула и быстро пошла по коридору, минуя процедурные, кабинет физиотерапии, лифты, медсестринскую.

Зазвонил телефон, и я рывком достала его, ожидая судьбоносного знака. Но звонил всего лишь доктор Арнетт. Поняв, что я не стала нарушать слово и уже ухожу из больницы, он поспешно пожелал мне доброй ночи и отключился. Я закинула мобильник в карман штанов и бегом бросилась к синему автомобилю, припаркованному на автостоянке для персонала больницы. Поскользнувшись на гололеде, я успела ухватиться за ручку дверцы, но все же приложилась коленом об асфальт. Охнув от боли, я забралась в салон, дрожащими пальцами повернула ключ в замке зажигания и включила печь. Только после этого вспомнила, что куртка и шапка остались в больнице. Может, поэтому все так косились на меня, когда я уходила?

Схватив зеркало заднего вида, я повернула его на себя и всмотрелась в свои глаза. Карие. Кажутся черными. У Дэйзи

Келли тоже были карие глаза, но совсем другие, так? Глаза у нее со светлыми крапинками, они ассоциировались у меня с тигриными.

Я вернула зеркало в прежнее положение, мысленно прикрикнув на себя за то, что продолжаю нас сравнивать. Это ложь. Она *не* моя мать. Мою маму зовут Мэгги, а не Дэйзи. Я прокручивала в голове это утверждение раз за разом, но мозг все равно вытаскивал из недр памяти другие странные совпадения.

Например, я вспомнила, что в дневнике Дэйзи так и не упоминалось мамино имя. Читая его, я еще подумала, что раз они не были подругами, то у мамы должна была быть веская причина, чтобы начать искать Криттонского Потрошителя. Я не могла понять ее мотивов. Но теперь понимаю. Она хотела найти его до того, как он найдет меня. Она хотела упечь его за решетку. Ведь если Криттонский Потрошитель пытался завести с Дэйзи Келли семью, а она сбежала и умерла, он мог прийти в ярость и начать искать ребенка.

О боже...

Нет, нет, нет.

Только когда руки заныли от боли, я поняла, что быю ладонями по рулю. Опустив руки на колени, я непроизвольно вцепилась пальцами в штанины. Ногти, казалось, проникли сквозь ткань, сжали кожу. Я так долго давила ногтями, что на глаза навернулись слезы, и единственное, о чем смогла подумать – о жжении в бедрах.

Выдохнув, я перестала мучить себя и схватила мобильник, одновременно пристегивая ремень безопасности. Снова накатил беспричинный смех. Пристегиваюсь ремнем, будто что-то может случиться...

Так, надо прекратить. Возьми себя в руки!

Набрав номер миссис Нэтвик, я медленно выжала сцепление и выехала с парковки. Одновременно с этим в трубке зашуршал сонный голос миссис Нэтвик:

– Кая, милая...

– Они украли меня? Моя мама украла меня?!

Я совсем не ожидала от себя, что сразу же начну вопить, но, услышав голос миссис Нэтвик – лучшей подруги мамы, – не смогла сдержаться. На том конце послышался скрип кровати, и я представила, как миссис Нэтвик поспешно переворачивается на бок и щелкает выключателем.

– Что?.. Кого-то украли? Милая, тебе плохо?

– Мама забрала меня у Дэйзи Келли?

Повисло молчание. Я бы хотела, чтобы это было из-за того, что миссис Нэтвик не расслышала моих слов, или выронила телефон на подушки, или попыталась припомнить, кто такая эта Дэйзи Келли. Но она молчала лишь долю секунды. Это была почти незаметная заминка. Почти. А затем она воскликнула:

– Что ты такое говоришь?! Кто это сказал? – возмущенно фыркала она, но уже не могла меня обмануть. Я услышала в ее голосе панику и страх. Такой страх испытывает человек,

когда к нему в дом ломятся коллекторы, чтобы выбить долг, такой страх испытывает человек перед болезненной операцией, которая может закончиться летально, такой страх испытывает человек, всю жизнь скрывающий правду и знающий, что рано или поздно она всплывет наружу.

– Хватит, скажите как есть, – перебила я. – Впрочем, я буду у вас рано утром, тогда и поговорим.

Отключившись, я отбросила телефон на пассажирское сиденье и вытерла щеки, горевшие от слез. Голос миссис Нэтвик по-прежнему звучал в ушах, и я включила радио, чтобы заглушить его.

Дорога была длинной. Тяжелые краски ночи щедро мазали по стеклу автомобиля, и даже мощный свет фар не в силах был рассеять сгустки тумана, плывущие между деревьев и гор.

Я вновь спешила. Как и тогда, две недели назад, когда я мчалась в особняк Харрингтонов, чтобы спасти чью-то жизнь, так и сейчас выжимала педаль газа, чтобы покинуть Эттон-Крик, погребенный под грудой мерзких секретов. На этот раз чтобы спасти свою собственную жизнь. И все же, не важно, как сильно я буду гнать.

Эттон-Крик все равно не отпустит меня. Теперь уже нет.

* * *

Часы показывали **03:17**, когда я вернулась в родной город.

Я могла бы добраться и быстрее, но где-то к часу ночи меня атаковал такой сильный страх, что пришлось притормозить на обочине дороги и дожидаться, пока прояснится перед глазами.

Город спал. Дороги были пустыми, на всех светофорах горел зеленый. Я малодушно подумала о том, что было бы неплохо, загорись красный. Я хотела притормозить, но сама не могла этого сделать. Не могла сдаться под напором дикого ужаса, сдавившего грудь.

В половине четвертого утра я затормозила у дома миссис Нэтвик. Над входной дверью горел светильник, и сквозь кустарники роз я заметила на кухне движение. Миссис Нэтвик меня ждала, но мы обе боялись предстоящего разговора.

У меня было больше пяти часов в дороге, чтобы привести мысли в порядок, чтобы успокоиться, но все оказалось тщетно. Увидев тень миссис Нэтвик на кухне, я снова рухнула в пропасть и сжала обеими руками руль, не в силах заглушить двигатель.

Мама и Дэйзи Келли были подругами. Возможно, они родили в один день. Такое ведь случается. А что касается ребенка... Его, может быть, забрал убийца... Да-да, ведь так все и было! Дэйзи доставили в больницу, чтобы собрать анамнез. Если там работал Криттонский Потрошитель, он мог закрыть ей рот и забрать младенца.

Ладони будто огнем опалило, и я разжала пальцы.

Тогда почему Олива Дюваль была в клетке с Дэйзи Кел-

ли? Зачем Потрошителю понадобилось похищать женщину, у которой уже был ребенок? Леде Стивенсон на тот момент был год. Может, Потрошитель похитил Оливу, чтобы та научила Дэйзи заботиться о младенце?

Какая прекрасная история, вот только в ней все равно ничего не сходилось. Прикусив внутреннюю сторону щеки, я наконец-то заглушила двигатель. Чувствуя болезненные спазмы и жгучую боль внизу живота, я вышла из автомобиля, хлопнув дверцей и тем самым перебудив соседских собак, и, ступая по промерзшему гравию, направилась к калитке. Внутри меня все подрагивало при каждом шаге – аккуратно желе, а сердце словно увеличилось в размерах и весило тонну. Мир съезжился до крохотных размеров двери, ведущей в дом миссис Нэтвик.

Туккк. Туккк. Туккк.

Руки дрожали, когда я, стоя под навесом в освещении лампы, потянулась к дверной ручке. Дверь была открыта. Она скрипнула, когда я шагнула за порог.

Туккк. Туккк. Туккк.

В прихожей было темно, но на кухне горел свет и шумел вскипающий чайник.

– Кая, я здесь, – раздался голос миссис Нэтвик, пронизанный страхом, затем послышался звук льющейся в кружку воды.

Я стянула грязные ботинки и, оставив их на коврик, прошла на кухню. Миссис Нэтвик стояла у плиты в пижаме и

халате ко мне спиной. Наверное, плакала. Не хочу видеть ее слез, не хочу видеть, как напряжены ее плечи. И вдруг она обернулась, и посмотрела на меня так сурово и строго, как никогда. В глазах ни слезинки. Скрестив руки на груди, она шумно вздохнула.

«Ты в своем уме? Три часа ночи, моя дорогая, и вместо того, чтобы нормально поговорить по телефону, ну или хотя бы встретиться при свете дня, ты мчишься за сотни километров в другой город из-за какой-то безумной ерунды?!» – Я думала, что миссис Нэтвик скажет что-то в этом роде – таким тяжелым, пронизывающим был ее взгляд. Я готова была рассмеяться собственной глупости. Но хорошо, что не рассмеялась, потому что миссис Нэтвик отчеканила:

– Ты должна понять одно: твоя мать – Мэгги. Без разницы, что говорят. Мэгги твоя мама. Она любила тебя больше всех на свете. Это то, что важно. Тебе все ясно?

Я думала об этом слишком долго. Всю дорогу сюда. Вечность. Но этого оказалось недостаточно, потому что сейчас не знала, как отреагировать на признание миссис Нэтвик. Не знала, что именно сказать, какую эмоцию отразить на лице. Сердце сжалось в один миг, я перестала дышать. Чтобы не упасть, я опустилась на рядом стоящий стул и безвольно откинулась назад. Отрицательно покачала головой, но возражать было поздно – все слова были сказаны и услышаны.

Миссис Нэтвик замешкалась, затем поставила напротив меня стул и опустилась на него, стукнувшись коленями о

мои.

– Кая, солнышко мое. – Миссис Нэтвик наклонилась и положила сухую, пахнущую кремом ладонь на тыльную сторону моей ладони, перемотанной бинтом. Пора бы его уже снять, ведь драка с Кирой была очень давно – тысячу лет назад – и раны затянулись. Просто сил не было. Сейчас я убрала руку из-под руки миссис Нэтвик и развязала бинт; сжала его в кулаке так, что выступили вены. Миссис Нэтвик, следящая за моими движениями, ничего не произносила. Осторожно раскрыв мой кулак, она взяла бинт, выкинула его в мусорное ведро под раковиной и обернулась, воскликнув:

– Какие же холодные у тебя руки! – Она не стала спрашивать, почему я приехала без верхней одежды, почему сижу на ее кухне в тонком свитере. – Приготовлю тебе чай. Горячего и с сахаром. Ты не любишь, но он поможет взбодриться.

Я бесстрастно молчала, и она снова начала:

– Кая, ты уже взрослая, поэтому должна все понять. Твоя мама не стала бы тебя обманывать, не будь на то причин. Понимаешь? Твоя мама не могла сказать. Я тебе клянусь, – с жаром продолжила миссис Нэтвик, и ее голос надломился. – Я обещаю, Мэгги любила тебя больше всех на свете. Она бы огорчилась, если бы узнала, что ты злишься на нее.

– Я не злюсь на нее.

Я впервые что-то произнесла. Пять часов ни одного словечка, и вот открыла рот, и слова оцарапали горло. Я вздохнула, пытаясь сообразить, куда смотреть, но краем глаза все-

таки уловила перемену в лице миссис Нэтвик: она сперва замешкалась, а затем осторожно переспросила:

– Не злишься?

Я устало покачала головой, затем достала из кармана штанов таблетки и проглотила одну под внимательным, настороженным взглядом. Миссис Нэтвик просто не могла понять, что я чувствую, а я не могла, да и не хотела объяснять. Нет таких слов, чтобы описать ей мои чувства. Я – холодный раскусодок. Я пытаюсь везде мыслить здраво. Но шутка в том, что я, оказывается, изначально не была здорова. Так-то.

Помолчав около пяти минут, я сказала:

– Неизвестный – это я.

Когда я с трудом выговорила последнее слово, наши с миссис Нэтвик взгляды встретились: *мой – мертвый взгляд черных зрачков, и ее – дикий страх и растерянность*. Я продолжила:

– Это я его дочь, миссис Нэтвик. Я столько времени искала ее, столько времени гадала, кто она, но оказывается, ответ действительно всегда был перед моим носом – это я. Я скрываюсь под маской, я его дочь, я – Неизвестный. Да, Аспен был прав. – Я поднялась на ноги, почувствовав во всем теле небывалую энергию. Кровь вскипела в венах, наполняя меня решимостью. – Мне нужно домой. Мне нужно в Тайную квартиру. Мне нужно... поговорить с Аспеном. Он обо всем догадался.

Я шагнула было к двери, но миссис Нэтвик схватила меня

за руки.

– Кая, стой. Давай поговорим. Присядь. Выпей чаю.

– Но мне нужно домой, – повторила я, однако после моих слов миссис Нэтвик еще сильнее вцепилась в меня и потянула назад к столу, усаживая на место. Я перестала сопротивляться и сделала, что она хотела, бесконтрольно принявшись дергать правой ногой – дурацкая привычка из прошлой жизни.

– Миссис Нэтвик, мне нужно домой.

– Нет не нужно! – оборвала она и тут же без перехода добавила: – Ты не его дочь, черт побери. Ты дочь Мэгги и Дэвида. Ты их дочь. Не его.

– Гены.

– Что? – Она зло свела брови.

– У меня его ДНК. Я... – Голос оборвался на полуслове, и я испуганно посмотрела на свою ладонь, вдруг обнаружив, что стянула с шеи подвеску, подаренную Аспеном на день рождения. Подняв на растерянную миссис Нэтвик взгляд, я продолжила: – Я дочь серийного убийцы. Дочь Криттонского Потрошителя.

– Кая, прекрати, пожалуйста...

Но я уже не могла остановиться, слова вырывались сами собой:

– Во мне его кровь. Во мне его гены. Во мне его жестокость. Он учился в Первом медицинском павильоне. Он был убийцей. Вот почему отец не хотел, чтобы я становилась вра-

чом. — Я посмотрела на миссис Нэтвик, чтобы убедиться в правдивости своих слов, но она уже несколько минут глядела на меня с ужасом, поэтому нельзя было понять, шокировало ли ее мое умозаключение. В моей груди разлился жар — я знала правду. — Отец боялся, что я пойду по стопам Криттонского Потрошителя. Я тысячу раз спрашивала, в чем причина его отказа. Он никогда не мог внятно назвать ее, перестал со мной разговаривать. Он боялся, что я стану как он... — Бессвязные слова с трудом срывались с губ. — Поэтому отец хотел, чтобы я поступила в академию — чтобы выжечь из меня *его* гены. Дисциплина, здравомыслие, сила воли — вот чего он добивался. Чтобы я четко понимала, где зло, а где добро. Чтобы никакая боль не могла меня сломить. Ни в клетке Стивена, ни в военной школе, когда меня избивали и швыряли в грязь. Чтобы всегда побеждала холодная логика, а не чувства. Вот почему. Господи... на самом деле отец не хотел, чтобы я сделала военную карьеру, он просто хотел, чтобы я была сильнее страха. Господи, — повторила я, уставившись на миссис Нэтвик. — Отец боялся меня.

— Неправда! — взбешенно крикнула она. — Твой отец любил тебя больше всего на свете.

— Это ложь. Это ложь, вы ведь знаете. Он всегда боялся, что гены возьмут свое. Что однажды он проснется, а у нас во дворе будет мертвая собака или кошка. Или я начну принимать наркотики и выпивать. Что я схвачу нож и пойду резать людей, как это делал мой *настоящий* отец.

– Он был чудовищем.

– У чудовищ рождаются чудовища, – эхом ответила я.

– Не смей так говорить, Кая Айрленд! – прогремела миссис Нэтвик, забыв о том, что наверху спит ее муж, которому через два часа вставать на работу. Ее глаза стали круглыми, брови взлетели, челюсть напряглась. – Не смей так говорить о себе!

– Наконец-то все встало на свои места. Я никак не могла понять, откуда мама знала Дэйзи Келли. А вы солгали, сказав, что они были подругами. Они не были подругами. – Я покачала головой. Она была такой тяжелой и горячей, что хотелось уронить ее на плечо и закрыть глаза. – Мама повстречала ее случайно. Помогла спрятаться от Криттонского Потрошителя. Тогда Дэйзи Келли рассказала маме о том, что с ней случилось и чьего ребенка она носит. И мама решила ей помочь. Вы сами говорили: «Мэгги с детства была доброй и притаскивала домой бродячих кошек». Вот и меня она притащила...

– ЗАМОЛЧИ!

Мою щеку обожгло пощечиной, а на внутренней стороне губы проступила кровь. Я не удивилась ни удару, ни крови, даже не подняла руку, чтобы остудить разгоряченное место холодной ладонью. Миссис Нэтвик по-прежнему не плакала. Злой взгляд, совсем несвойственный ей, ранил сильнее, чем пощечина. Ее желание быть смелой и сильной напомнило о том, что я слабая и никчемная. А значит – плохая.

Я спокойно ответила:

– Миссис Нэтвик, я вас не виню в том, что вы не рассказали, ведь это была не ваша тайна. Думаю, даже будь эта тайна вашей, вы ни за что бы не доверили ее мне. Но ничего страшного. Просто мне нужны были ответы. А теперь мне пора домой.

Я вновь встала со стула, к чему миссис Нэтвик была готова. Она сию секунду вскочила и силой удержала меня за плечи, заставив сесть. В нос ударил запах ее рук – крем с медовым экстрактом, сладкий, тягучий – запах Ноя и лета. Знает ли он о том, где я?

– Я убийца, – сказала я в тишину. Пальцы на моих плечах разомкнулись, руки миссис Нэтвик на секунду задержались в воздухе, а затем легли на колени. – Я убила Стивена Роджерса.

– У тебя...

– Не было выбора? – опередила я. – Вы правы. А другие люди?

– Какие другие? – Миссис Нэтвик нахмурилось, и я, не выдержав, подскочила на ноги и принялась ходить туда-сюда, скользя носками по полу. Миссис Нэтвик повернулась корпусом, чтобы следить за моими движениями.

– Я все поняла. – Я сомкнула ладони лодочкой, размышляя. – Провалы в памяти, скрытая агрессивность, холодность и безразличие, способности к медицине... – Я перечисляла все признаки, а миссис Нэтвик все еще хмурила брови, ни-

чего не понимая. Она поймет. *Я же поняла.*

Продолжая ходить из стороны в сторону – от окна к холодильнику, от холодильника к окну, – я сказала:

– Я уже убила однажды. И могла сделать это снова. Вот почему Леда Стивенсон меня боялась. Вот почему Аспен не говорил мне о своем расследовании – потому что он *видел меня*. – Миссис Нэтвик наконец-то догадалась, к чему я веду, и поднялась на ноги, громко простонав. Я посмотрела в ее серое, уставшее лицо и продолжила: – Аспен узнал, что это я. Ведь все действительно просто: я конфликтовала с Майей, а затем ее убили. В том проклятом переулке именно я была рядом со Сьюзен. Я была рядом со Скалларк, когда ее похитили. Скалларк находилась в подвале Тайной квартиры потому, что именно я ее там оставила.

– Что за бред, Кая?

– Нет, нет, миссис Нэтвик, все сходится. Все наконец-то сходится. Ной постоянно говорил: «Спаси Леду Стивенсон и сможешь уйти». Он всегда намекал мне, что это я. Что все дело во мне. Других девочек я тоже пыталась спасти.

– Так! – крикнула миссис Нэтвик, снова выходя из себя. Я аж подпрыгнула. – Ты сейчас немедленно сядешь. Вот сюда, да, правильно, замолчишь и выслушаешь то, что я скажу. А потом поймешь, как глубоко ошибаешься!

30 сентября 1996

Розмари Грей только что закончила работать в своем цветочном магазинчике в центре города и, накинув на плечи легкую спортивную курточку, шла по тротуару к автобусной остановке. Хотя она и обещала себе купить к двадцати трем годам собственный автомобиль, ее мечтам пока что не дано было осуществиться. А про себя Рози решила так: «Если не удалось до двадцати трех, то до двадцати пяти точно получится». Ей осталось накопить всего-то несколько тысяч и все — мечта сбылась.

Ну а пока что Розмари, улыбаясь своим мыслям, шла по блестящему в свете фонарей тротуару. Ее туфельки на невысоком устойчивом каблуке отстукивали веселый ритм. Сердце трепетало от беспричинной радости.

Нет, на самом деле причина была. Розмари через два месяца выходила замуж за интересного молодого человека по имени Вилл Сакхейм. И пусть прозвище у него было странное (он сам себе его дал), Розмари все равно любила этого мужчину. Он был младше Рози на год, но уже вовсю разрабатывал собственный бизнес-план пивоварни под названием «Горячее солнце».

Розмари присела на скамейку на остановке. Рядом стояли чьи-то фирменные пакеты из торгового центра, наполнен-

ные всякой всячиной. Сверху лежали завернутые в фольгу гамбургеры, и хоть Рози не чувствовала их запаха, ее рот все равно наполнился слюной. Она склонилась к дороге, выглядывая за ограждение остановки и ища взглядом автобус. Нужного все не было, и Рози прижала обе руки к животу, косясь на гамбургеры.

Может, сбежать и тоже купить перекусить? – мимоходом подумала она, а затем зазвонил мобильный телефон, и она, как по волшебству, забыла о чувстве голода.

– Вилл!

Он кашлянул на том конце – видимо, опять курит.

– Роуз, я не смогу за тобой приехать, прости.

– О, ничего! – Она не расстроилась, потому что Вилл *никогда* не мог за ней приехать, хоть и обещал. Она подняла голову, глядя на безупречно чистое синее небо, в котором горели мириады звезд, и сказала в трубку: – Здесь так красиво, Вилл.

– М-м, – невнятно пробормотал он и произнес кому-то: – Эй, ты совсем ослеп? Я тут разговариваю со своей невестой. – И вновь обратился к Рози: – Ты ведь не расстроилась? Ты ведь знаешь, я не люблю, когда ты расстраиваешься.

Розмари не расстроилась, особенно когда услышала, как Вилл называл ее невестой перед другими. Хоть они помолвлены уже два месяца, она никак не могла привыкнуть к этому слову. И сейчас в ее груди расцвел огромный подсолнух. Она была *абсолютно* счастлива.

Наконец-то подъехал пустой автобус, и Розмари забралась в него, а затем помогла с пакетами даме в возрасте. Та радушно улыбнулась и угостила Розмари печеньем.

Время неслось со скоростью света. Автобус трясся на дорожных плитках, проехал под мостом, по которому громыхал товарный поезд, и спустя пару кварталов остановился в тихом районе на большой пустынной остановке.

Розмари поблагодарила водителя и вышла из автобуса. Закинув сумку на плечо, она развернула последнее печенье и направилась к своему домику. Родители уехали в кругосветное путешествие и каждую неделю дразнили ее, посылая открытки из самых живописных уголков мира. Достав из ящика очередное письмо, Розмари вошла в дом, щелкнула выключателем и, оставив сумку в стареньком кресле с потертыми подлокотниками, направилась на кухню, где ее дожидался десерт. Тирамису вышел отменным. Розмари прикрыла веки, пробуя воздушную сладость, затем схватила вазочку и направилась в гостиную. Прыгнув в кресло, она включила кассету с мультфильмом «Белоснежка» и принялась ужинать. Затем заварила кофе и благополучно отключилась под песенку животных, доносящуюся из динамиков телевизора.

Розмари снилась ее свадьба. Она шла по проходу мимо пустых деревянных стульев, на спинках которых были прикреплены розово-белые банты. У нее в руках был небольшой букет с розовыми розами, от которых пахло кофе и тирамису. Розмари вдыхала их запах и улыбалась. В конце пути ее

ждал Вилл в черном костюме с бабочкой. Идеальный мужчина, любовь всей ее жизни. Вот только... где его лицо?

Розмари испугалась и выронила свадебный букет, а затем сон мгновенно улетучился, когда слева от нее раздался какой-то грохот.

Что это? Откуда?

Стук продолжался, и Розмари, моргнув, села. Во рту был горьковатый привкус, на журнальном столике все еще стояла чашка с недопитым кофе и вазочка.

– Рози, открывай! Это я! Дэвид, держи ее, я постучу в окно! – Розмари изумилась до глубины души, услышав приглушенный голос Мэгги за входной дверью. Затем в окно напротив дивана посветили фонариком и трижды настойчиво постучали по стеклу. – Рози, просыпайся, пока я не выломала дверь.

Розмари поднялась на ноги и направилась в прихожую, чтобы впустить неожиданных гостей. Отперев дверь, она произнесла:

– Ребята, могли бы и позвонить, хит... – Она замолчала. Ее глаза округлились, когда в сильных руках Дэвида она увидела что-то странное. Мэгги посветила ей фонариком в лицо, затем втокнула ее в дом и приказала Дэвиду поторапливаться.

– Тише, Маргарет, – сказал он строго. И тогда Розмари поняла, что Дэвид держал не что-то, а кого-то. Ребенка.

– Это... то, что я думаю? – Она пораженно таращилась на

сверток.

– Мэгги, держи ее, – сказал Дэвид, не реагируя. – Надо проверить все окна и двери.

– Роза, – Мэгги взяла малышку из рук мужа и протянула ее подруге с таким взглядом, будто от нее зависела жизнь всех троих. – Возьмешь ее?

– Это она? – спросила Розмари, принимая ребенка. Она была крошечной, но уже тяжелой.

– Ее зовут Кая, – тихо сказала Мэгги и устремилась за своим молодым мужем проверять окна и двери – на взгляд Розмари, совершенно бесполезное занятие. Она вернулась с Кайей в гостиную и присела на диван. Девочка спала. У нее были пухлые щечки и темные, в точности как у Мэгги, волосы. Вдруг она открыла глаза и посмотрела прямо на Розмари. Та, не растерявшись, улыбнулась малышке и шепнула:

– Привет! Как дела, милая? – и захихикала, представив, что младенец вдруг ответит на ее вопрос. Но... сколько ей? Розмари видела Мэгги четыре месяца назад, когда она помчалась вслед за Дэвидом в пустыню. У нее точно не было живота. Что-то не складывается.

И почему они бегают по дому, словно сумасшедшие? Она слышала, как Мэгги обо что-то споткнулась и ойкнула, а Дэвид раздраженным тоном попросил жену быть осторожнее. Розмари прислушивалась к комментариям наверху, рассматривая девочку. Крошечная и красивая, словно маленький ангелок.

– Кто твои родители, малышка? – поинтересовалась Розмари, наклонившись к ребенку. Та ответила внимательным взглядом. Она даже не плакала. Какая странная малышка! Розмари мало что знала о детях, но в одном была уверена точно: от этих маленьких дьяволят одни проблемы. Вопли, крики и капризы. Но малышка Кая была смирным ребенком.

Розмари решила, что в этом она похожа на Дэвида. Парень тоже всегда был сдержанным. Он даже никогда не повышал голоса – взгляда было достаточно, чтобы ему подчинились. Но, стойте-ка, они не могут быть родителями Кай, если только в пустыне они не нашли машину времени. Как же все странно.

Ее друзья закрывали все окна и двери, а затем Мэгги еще и подперла входную дверь стулом под пристальным взглядом Розмари, в котором сквозил скепсис. Пока они проделывали все это, Розмари успела придумать для себя логичную версию происходящего. Возможно, Айрленды *нашли* ребенка. Или, например, кто-то подбросил им девочку в машину. Они, конечно, не смогли оставить младенца на произвол судьбы, поэтому забрали его с собой, зачем-то забыв позвонить в полицию и решив забаррикадироваться в ее доме, словно преступники.

Она вздрогнула от этой мысли и посмотрела на Каю, вновь прикрывшую веки. Девочка сладко зевнула, и Розмари улыбнулась.

– Все будет хорошо, Кая. Все будет хорошо. Тетя Рози не

даст тебя в обиду.

В поле ее зрения возникла запыхавшаяся Мэгги. Откинув со лба прядь темных выющихся волос и покачав головой, словно этим движением могла объяснить все на свете, она осторожно присела на диван и взяла младенца на руки. Розмари встала и демонстративно скрестила руки на груди, желая получить объяснения. В гостиную вернулся Дэвид. Он не выглядел запыхавшимся, но его взгляд оставлял желать лучшего. Он всегда был чересчур суровым для двадцативосьмилетнего парня. Розмари, глянув на него, передумала использовать жесткую тактику допроса. Прочистив горло, она опустилась в кресло напротив Мэгги и Дэвида и наконец-то осмелилась спросить:

– Что случилось? Откуда вы взяли ребенка? Мэгги, – она многозначительно посмотрела на подругу, – что-то я не припомню, чтобы ты была беременна. – Дэвид закатил глаза, но Розмари сделала вид, что не заметила. – Так и откуда взялась Кая? Почему вы вдруг вломились ко мне посреди ночи и стали запираť все двери на замок, будто боитесь, что вас арестуют? Вы украли ее? – выпалила она на одном дыхании. Дэвид поджал губы и, приняв у Мэгги ребенка, серьезным тоном произнес:

– Я поднимусь наверх. – Он посмотрел на Розмари. – Пусть Мэгги рассказывает, а с меня довольно.

Он переступил через ноги Розмари, которые она не успела подтянуть, и направился к лестнице, ведущей на второй

этаж. Когда его шаги стихли, Розмари приказала, глядя на Мэгги в упор:

– Рассказывай.

– Кая родилась вчера, – ответила та, зажимая ладони между коленей. Розмари многозначительно вскинула брови, и подруга тут же ответила на непрозвучавший вопрос: – Нет, это не моя дочь. Я бы, конечно, сказала тебе. Да мы с Дэвидом и не планировали...

Розмари знала Мэгги всю свою сознательную жизнь в прямом смысле этого слова и предполагала, что сейчас подруга начнет путаться в словах. Поэтому, глубоко вздохнув и вскинув руки, как показывал тренер по йоге со спортивного канала, Розмари велела:

– Начни с начала.

– А вдруг и ты окажешься в опасности? – прошептала Мэгги охрипшим голосом. Розмари пересела к ней на диван и на мгновение обняла ее, а потом отпрянула.

– Все хорошо.

– Нет, нет... Мне было так страшно... Я не хочу, чтобы и ты... Я не знаю. А вдруг он?..

– Что, Мэгги? Расскажи, что случилось, пожалуйста. Обещаю: не важно, что ты скажешь, мы все равно останемся друзьями. Мы вместе уже больше двадцати лет. Это срок.

– Это срок, – согласилась Мэгги, шмыгая носом. Она вновь потянулась за объятиями. – Но мне так страшно.

– Вы забаррикадировали мой дом изнутри. Дэвид наверху.

Все в порядке, Мэгги. Ну, так что случилось? Я думала, вы в пустыне.

– Были... мы были в пустыне.

Оказавшись в безопасности, Мэгги совсем раскисла, а поведав свою историю Розмари, не почувствовала ни грамма облегчения. Потому что теперь, когда Роза поделила с ней этот страшный секрет, ужас отразился и на ее лице.

* * *

*Три дня назад, Маргарет и Дэвид Айрленды,
Эттон-Крик*

– Будешь мандаринку?

– Мэгги, я за рулем.

– Я могу покормить тебя. Ну правда. У меня есть руки, а у тебя нет. – Дэвид скептически посмотрел на жену, и она фыркнула, поняв, что сказала. – Ну, давай покормлю.

– Мэгги, нет.

– Ну давай.

– Прекрати, иначе попадем в аварию.

Мэгги все равно принялась чистить мандарин, и в конечном счете Дэвид съел большую часть ее запасов. Теперь в салоне стоял запах мятных леденцов, цитрусовых и красок для рисования на холсте. От Дэвида пахло потом и гелем для бритья. Ему дали трехдневный отпуск, который он потратил на похороны, и теперь, раздавленный и уставший, он крепко

сжимал руль, расслабленно откинувшись на сиденье, и думал о том, что один день из трех уже завершен, а он вынужден тратить двенадцать часов на дорогу.

В Эттон-Крик было холодно, поэтому, как только они въехали в город, Мэгги тут же подняла со своей стороны окно. Стал накрапывать мелкий дождь. «Если ты видишь серое небо на многие километры вперед, знай: ты в Эттон-Крик», – говорила Мэгги. Несмотря на негативную характеристику города, Дэвид чувствовал: она любила его всем сердцем.

Во время учебы они с Розмари снимали здесь крохотную квартиру. Несмотря на очевидные недостатки: облупившиеся стены, потертые полы, проблемы с электричеством – девушкам нравилось их убежище. Большинство соседей были преклонного возраста, но, несмотря на это, их нельзя было назвать скучными.

Мэгги до сих пор с улыбкой вспоминала их литературные вечера, где она зачитывала свои стихи, а Розмари угощала всех пирожками с черничным вареньем. После получения диплома Розмари вернулась в родной город, где открыла цветочную лавку. Мэгги осталась в Эттон-Крик преподавать рисование студентам старшей школы.

Она по-прежнему жила в старенькой квартирке, выходящей окнами на пустырь с заброшенным сахарным заводом. С помощью сбережений и родительской поддержки она купила ее, ведь там хранилось столько важных воспоминаний, а несколько месяцев спустя Мэгги повстречала Дэвида,

и они поженились.

После жарких будней в пустыне, где Мэгги и Дэвид проводили время до его следующего назначения, промозглый Энтон-Крик с запотевшими стеклами и угрожающими вспышками молнии бил по нервам, как по гитарным струнам.

На улицах была сущая неразбериха из-за ливня. Отчаянная молодежь, накрыв голову портфелями и сумками, лавировала между машин, застрявших в пробке, в поисках свободного такси; счастливчики доставали из рюкзаков зонты и упрямо топали по тротуару к остановке, где люди жались друг к другу в попытке остаться сухими.

Дэвид огляделся и вздохнул, увидев, что очередь машин, ожидающих проезда на зеленый, кажется бесконечной. По стеклу туда-сюда ездили стеклоочистители, за пределами уютного салона их машины раздавались раздраженные гудки. Может, где-то там случилась авария?

Обернувшись к Мэгги, Дэвид заметил, как она украдкой запикивает шкурки мандаринов в кармашек на двери.

– Ну и что ты там делаешь? – спросил он, наклонившись к рулю. Мэгги быстро обернулась.

– Я? Да ничего такого. – Она вытянула руки ладонями вверх. Дэвид собирался сказать, что все видел, но его остановил громкий стук в окно с водительской стороны. Мэгги испуганно ойкнула, и даже Дэвид вздрогнул от неожиданности.

Обернувшись, он опустил стекло, и в салон тут же ворвал-

ся холодный ветер и терпкий запах дождя. У Мэгги волосы встали дыбом, когда она посмотрела в худое лицо жуткого с виду мужчины в желтом дождевике.

Как в ужастике, – мимоходом подумала она. Дэвид между тем спросил у мужчины, нужна ли ему помощь, и тот вместо ответа сунул ему в руки какой-то листок.

– Взгляните повнимательнее. Пожалуйста. Пожалуйста! – Он перекрикивал дождь, бьющий ему в спину острыми стрелами, поэтому Мэгги отчетливо услышала в его голосе мольбу и с сочувствием поморщилась.

Дэвид кивнул и опустил взгляд. Мэгги пододвинулась ближе, желая помочь незнакомцу в чем бы то ни было. На влажной от дождя листовке была изображена очень красивая девушка с пышными черными волосами.

– Вы ее видели? – спросил мужчина.

Мэгги прочла под фотографией: «ПРОПАЛА». Чуть ниже таким же крупным шрифтом было выведено имя: «Дэйзи Келли». Здесь же сообщались ее приметы, адрес дома, где она проживает, и телефон, по которому следует срочно позвонить.

– Нет, – сказал Дэвид. Хоть он и ответил несколько холодно, Мэгги почувствовала, что он тоже сопереживает незнакомцу.

– Это моя дочь, – сказал тот, сплевывая дождь. – Он забрал ее. Она не сбежала. Дэйзи бы так не поступила! Если увидите ее, пожалуйста...

Позади вовсю раздавались гудки, требуя, чтобы автомобиль сдвинулся с места, но Дэвид даже бровью не повел. Показав на листовку, он твердо пообещал:

– Если мы увидим ее, обязательно позвоним вам.

– Спасибо! – крикнул мужчина, отлепляясь от боковой дверцы. – Спасибо!

Дэвид снова кивнул и нажал на педаль газа. Он вручил Мэгги листовку и поднял стекло. Никто из них не разговаривал. Дэвид задумался и даже не заметил, что его левая штанина была влажной от дождя. Мэгги уставилась на листовку, запоминая лицо пропавшей девушки.

Целых пятнадцать минут в салоне была тишина, нарушаемая ритмичными ударами дождя по автомобилю. Для Дэвида это было привычное состояние; он был не из тех людей, кто болтал без умолку, а вот для Мэгги нет. Ее молчаливость и отстраненный взгляд в окно не на шутку его напрягли.

– Люди пропадают, – сказал он. Спустя пару секунд Мэгги кивнула, вяло ответив:

– Ага. – Дэвид понял, что она закрылась. Одной рукой она упиралась в сиденье, а второй обхватила себя вокруг груди. – Люди пропадают.

– Мэгги... – Он сначала собирался сказать совершенно другие слова, но вдруг осторожно поинтересовался: – Ты была знакома с этой девушкой?

– Нет, – удивленно ответила она, повернувшись в его сторону. – Дэвид, то, что я жила здесь много лет, не значит, что

я знаю всех. Эттон-Крик не мегаполис, но людей здесь хватает. А ведь УЭК между прочим...

– Я понял, Мэгги, – остановил ее Дэвид, выворачивая руль на круговом перекрестке в центре города. Деревья, росшие посреди лужайки, склонялись от жестких порывов ветра. Дэвид перестроил автомобиль в другой ряд, движущийся к мосту через Криттонскую реку.

– Но и ты должна понять. Ты ничего не можешь поделать с тем, что люди пропадают.

– Я не могу просто забыть.

– И не надо. У нас есть листовка. Если мы встретим эту девушку, обязательно ей поможем. Но мы здесь на три дня и все. Уже меньше трех дней, – пробормотал он себе под нос. Он смотрел только перед собой, но Мэгги увидела, как по его лицу пошла тень. – Если бы моя дочь пропала, я бы тоже ходил с листовками. Несмотря на то, что прошел год.

– Что? – удивилась Мэгги и рывком поднесла к глазам листовку. Дата подтверждала сказанное мужем: Дэйзи Келли пропала почти год назад.

В машине вновь воцарилось молчание, потому что оба подумали об одном и том же: лучше бы она сбежала с каким-нибудь парнем или с несколькими парнями. Ведь если ее похитили, она наверняка мертва.

Утром они были на похоронах и вот вновь думают о смерти. Мэгги ненавидела грустить, поэтому стремительно принялась придумывать тему разговора повеселее. Она повер-

нулась к Дэвиду, нахмутив брови:

– Впервые слышу о том, что ты хочешь ребенка.

– Я не говорил, что не хочу, – возразил он. – Но и не говорил, что хочу. – Подумав пару секунд, он сказал: – Но если у меня будет дочь...

– У нас.

– Если у нас будет дочь, я научу ее самообороне и...

– Ну уж нет, господин самоуверенность! – воскликнула Мэгги, приподнявшись на сиденье и подобрав под себя ногу. – Никаких пистолетов и ножей! И никаких драк! Моя девочка будет принцессой.

– Пусть будет принцессой, которая может постоять за себя, – спокойным тоном сказал Дэвид, который всегда умел найти компромисс в разговорах с женой. Для себя-то он уже все решил. Он *никогда* не попадет в такую ситуацию, как тот незнакомец. Не будет бояться отпускать дочь из дома, не будет бояться похищения, не будет вздрагивать от каждого звонка, не будет печатать листовки. *Потому что его дочь никогда никто не похитит.*

Они въехали на мост и вновь застряли в пробке. Где-то вдали на черном небе клубились серые облака, тяжело нависая над городом и кашляя громом.

– Настоящая буря, – пробормотала Мэгги, вглядываясь через ветровое стекло на Криттонскую реку, ревущую по обеим сторонам моста. Широкая и глубокая, опасно черная, она ловила вспышки молний и глотала тонны дождя, пропус-

кая его через себя.

Довольно романтично... — подумала она, покосившись на мужа. Они поженились всего-то полгода назад, а кажется, что целую вечность. В хорошем, конечно, смысле этого слова. У них, Мэгги знала, родственные души. Насколько они не похожи, настолько же подходят друг к другу, как Инь и Ян — идеальное дополнение.

Мэгги откинулась на спинку сиденья, продолжая смотреть на Дэвида. У него были те черты лица, которые хотелось рисовать. Широкие брови, прямой нос, короткие волосы и темная щетина. В пустыне Дэвид брился очень редко, и, когда говорил с ней по видеосвязи, она млела от его мужественного, но очаровательного образа. Без бороды Дэвид выглядел совсем мальчишкой.

Он заметил, что она на него смотрит, и улыбнулся, будто догадавшись о ее мыслях. На его щеках появились ямочки, и Мэгги, тоже не в силах сдержать улыбку, отвернулась.

— Кстати, — вспомнила она, — в квартире может быть небольшой беспорядок. Я не была там четыре месяца, помнишь?

— Помню.

— Так что не обращай внимания на пыль. Хотя, может, Роза на выходных заглядывала... — Мэгги хмыкнула: — Она — ярый фанат уборки.

— А ты нет?

— Я люблю творческий беспорядок. Какие-то проблемы? —

Мэгги цепко посмотрела на Дэвида, и он вновь улыбнулся, показывая ямочки. Он ничего не произнес, уставившись на дорогу.

Остаток пути они молчали. Когда они добрались до квартиры, Мэгги констатировала, стоило им переступить порог:

– Ну, что и требовалось доказать: Роза выкинула все мои коробочки от сырков в глазури и обертки от шоколадок... – Дэвид посмотрел на Мэгги, и она, чувствуя, как щеки обдало жаром, пролепетала: – Это для одной чрезвычайно интересной задумки... для... для...

– Я понял, – сказал он, опуская спортивную сумку у тумбочки, на которой стояла ваза с искусственными розами. Мэгги нахмурилась, глядя на них:

– Я люблю живые краски.

Дэвид стянул ботинки, оставив их у двери, и направился по коридору в сторону кухни. Стены были сплошь украшены фотографиями пейзажей Эттон-Крик. Мэгги проскользнула в спальню и быстро обследовала шкаф, чтобы убедиться, что Роза не вышвырнула ее куклы, изготовленные из старых свитеров. С облегчением обнаружив их на верхней полке, Мэгги вернулась на кухню и втиснулась между Дэвидом, напряженно глядевшим в окно, и холодильником. Обследовав холодильник, она удрученно констатировала:

– Ничего, пустота, мрак.

Не отрывая взгляда от пустоши с заброшенным сахарным заводом, Дэвид спросил:

– Тебе никогда не было страшно жить в этой квартире?

– Тебе страшно? – Мэгги резко посмотрела на Дэвида, собираясь улыбнуться и прокомментировать этот факт. Он задумчиво покачал головой:

– Я просто попытался поставить себя на твое место. Ты ведь всего боишься.

– Я не боюсь всего, – сварливым тоном осадила его Мэгги и добавила: – Иди уже в магазин, или не видать нам сегодня ужина.

Очнувшись от размышлений, Дэвид чмокнул Мэгги в макушку и поспешил в прихожую. Затащив в спальню спортивную сумку, он схватил ключи и покинул квартиру, заперев за собой дверь.

Когда его шаги стихли, Мэгги посмотрела на то место, где находился завод. Сейчас в темноте его не было видно, но она отчетливо могла представить себе высокое полуразрушенное здание. Оно напоминало Мэгги о времени. Вот сейчас здание стоит там, стойко защищаясь от ударов ветра, а через двадцать лет его, возможно, уже не будет. Или Мэгги не будет.

Будто в ответ на ее мысли снаружи прогрехотал такой сильный гром, что зазвенели стекла. Испугавшись, Мэгги отошла от окна, а затем включила во всей квартире свет. Дэвид прав, она трусиха, но это – ее дом. Вот на подоконнике цветы, которые Роза регулярно поливала, а вот на дверце холодильника три одинаковых магнита в виде вишни.

Когда Дэвид вернулся с ужином, они не вспоминали ни похороны его дяди, ни незнакомца с листовками, ни пропавших дочерей. Они мило провели вечер (Дэвид даже выпил пару баночек пива), посмотрели какой-то черно-белый фильм по телевизору, а затем улеглись спать.

В четыре часа ночи Мэгги вдруг проснулась. Она даже не поняла, из-за чего распахнула глаза: то ли приснилось что-то жуткое, то ли молния на мгновение ослепила ее безмятежное лицо яркой вспышкой. Сон пропал. Мэгги покрутилась с боку на бок, чего Дэвид, утомленный дорогой, даже не почувствовал, и, так и не уснув, около пяти часов выбралась из-под теплого одеяла.

Она прокралась на кухню, где отхватила кусочек курицы-гриль, хоть и холодной, но вкусно пахнущей, затолкала в рот чесночный хлебец и сделала большой глоток остывшего чая. Обмакнув следующий кусок мяса в соус и поднеся его ко рту, Мэгги испуганно подскочила – яростно ударил гром, следом сверкнула вспышка молнии.

Затаив дыхание, Мэгги замешкалась, но затем поспешила в ванную, вымыла руки и почистила зубы. Она уже собиралась вернуться в постель, когда вдруг за стеклом что-то привлекло ее внимание.

Она списала странный блеск на отражение молнии или еще что-то неопасное и не жуткое, но, подойдя ближе и прищурившись к темноте, поняла, насколько ошиблась. От окна веяло прохладой и дождем, который словно пытался про-

никнуть в квартиру. Но Мэгги похолодела не от этого. Там, на пустыре, где высился сахарный завод, из леса выбежал человек. Мэгги вся похолодела: это была девушка. Она живо перебирала ногами, то и дело утопая в грязи, и постоянно оборачивалась, будто за ней кто-то гнался прямо из темноты. Над ее головой, будто насмехаясь, сверкала молния.

Мэгги торопливо натянула штаны и свитер, затем дождевик и резиновые сапоги и, схватив фонарик, вышла из квартиры. Дэвид спал чутко, но все равно не проснулся. Мэгги не хотела его будить. Она не считала, что с ней что-то случится, если она сама проверит, что за история произошла с девушкой из леса. Любопытство смешалось со страхом, и внутри Мэгги все затрепетало.

Она прыжками сбежала по лестнице, и, включив фонарик и удерживая рукой капюшон дождевика, вышла из подъезда и обошла дом с обратной стороны. Дождь заглушал все звуки, барабания по крышам машин, выстроившихся в шеренгу на парковке, по асфальту, по дождевику Мэгги. Громко топая резиновыми сапогами, она бросилась бежать в сторону леса, боясь упустить незнакомку. Почему-то вспомнилась листовка с пропавшей девушкой, и у Мэгги мелькнула мысль: «А вдруг это Дэйзи Келли?» Но нет, тут же отмахнулась Мэгги, таких совпадений не бывает!

Грязь под ногами была липкой и тягучей, еще и пахла противно. Мэгги запыхалась, оббежав дом, и посветила вперед фонариком, прищурившись, чтобы лучше видеть в сумраке.

Дождь норовил затечь в рот и глаза, и Мэгги, убирая прилипшие к лицу пряди волос той рукой, в которой был зажат фонарик, случайно посветила в сторону. И тут же испуганно завизжала, потому что прямо на нее неслась дикая девушка. Она завопила, увидев Мэгги:

– Помогите! На помощь! Помогите, о боже...

Мэгги в ужасе вытаращилась на ее огромный живот под влажным серым платьем и неосознанно попятилась, но незнакомка быстро привела Мэгги в чувство, схватив ее за запястья:

– Помоги мне! Помоги мне! Ааааах... – Она застонала, схватившись за живот. К горлу Мэгги подкатила тошнота, и она, бросив взгляд в сторону окна своей квартиры, быстро оценила ситуацию и, обхватив девушку за талию, повела к парковке, на которой стояла машина.

– Тебе нужно в больницу, – сказала Мэгги, сплевывая дождь. Ветер сорвал капюшон дождевика, и теперь холодные капли просочились под свитер и футболку, стекая по груди и спине.

– Нет! – зарычала незнакомка, железной хваткой цепляясь за скользкую ткань дождевика. – Никакой больницы! Только не туда! В полицию. Мне нужно... ахxxx... в полицию.

– Хорошо, – Мэгги не стала возражать, рассудив, что потом, когда они окажутся в безопасности, она заставит девушку рассказать, что случилось, и отвезет ее в больницу.

Над их головами гремел гром. Буря не стихала, но Мэгги

позабыла о том, что боялась молнии. Теперь она должна была помочь девушке попасть в больницу. Иначе случится что-то страшное.

Ключи были в кармане штанов, потому что, к счастью, Мэгги никогда их не вытаскивала. Она сомневалась, что незнакомка смогла бы дождаться Мэгги у машины, если бы ключи оказались в квартире. Подняться вместе с Мэгги она бы точно не смогла – ее живот был просто огромным, из-за него фигура казалась изломанной и неповоротливой. Незнакомка была худой, словно спичка, и Мэгги почувствовала ее кости под тонкой ветровкой и платьем, почувствовала острые локти, работающие изо всех сил. Девушка шла на удивление быстро, пыхтя и постанывая, и все время оборачиваясь.

– Оххх... скорее. Скорее.

– Да, – только и сказала Мэгги. Они наконец-то обошли дом и приблизились к небольшой черной машине Дэвида. Мэгги отперла пассажирскую дверь и помогла незнакомке опуститься на сиденье, затем обогнула автомобиль и забралась внутрь.

Она повернула в замке ключ зажигания, и звук работающего мотора прозвучал настоящей музыкой. Почувствовав облегчение, Мэгги вырулила с парковки и посмотрела на сидящую рядом пассажирку. Та смотрела перед собой широко открытыми глазами, полными безумия. Мэгги успела отметить худые, как палки, голые ноги, покрытые жуткими синя-

ками и порезами вплоть до середины бедра, тяжелый живот, натянувший серое, мокрое от дождя платье...

– Это кровь? – спросила Мэгги, увидев на боку темное пятно.

– Не моя, – каркнула незнакомка. Она была в шоке – Мэгги видела, как безумно вращались ее глазные яблоки, пытаюсь уследить за потоком машин на дороге, за обеими сторонами улицы, будто откуда ни возмись мог появиться ее преследователь.

– Что случилось? – Мэгги вновь на нее посмотрела. Черные волосы до талии, стянутые в растрепанный и мокрый хвост, толстой веревкой прилипли к спине, на лбу были ссадины, а у виска шрам. Губы серые, бесцветные, изорванные. И глаза – жуткие, полные страха, боли и жестокости.

Мэгги моргнула, поняв, что незнакомка смотрит на нее в упор.

– Я Дэйзи Келли! – громко сказала она, будто пыталась перекрычать нечто. У Мэгги вся кровь отлила от лица, и она отвернулась, увеличивая скорость. Не может быть. Дэйзи Келли? Именно о ней она думала, выбегая к сахарному заводу. Именно ее фотографию она видела на листовке. Сейчас эта девушка сидела в салоне ее автомобиля. Держалась за живот и таранила через ветровое стекло.

Мэгги стало страшно. Она многое слышала о жертвах Криттонского Потрошителя, пока училась в колледже. Этот психопат навел страху на весь город, похищая жертв исклю-

чительно тринадцатого января, из-за чего на зимних каникулах в Эттон-Крик был введен комендантский час, а некоторые студенты даже покидали город.

– Он запер меня в каком-то месте... а я не могла понять, за что... – глухо пробормотала Дэйзи Келли. Мэгги сжала пальцы на руле, чувствуя, как все тело сотрясает мелкая дрожь.

Она никогда не попадала в такие ситуации, никогда даже не была знакома с беременными девушками. И у Дэйзи такой огромный живот!..

– Ты убила его? – спросила Мэгги, и Дэйзи Келли вдруг расхохоталась, брызнув слюной и кровью – ее десны были в жутком состоянии.

– Убила? Эту тварь никто не сможет убить! – заверещала она сквозь смех и тут же поморщилась от боли в животе. – Его... ребенок... пытается вырваться из меня...

Мэгги сглотнула, ощущая себя будто в параллельной реальности, где происходит то, что происходит. Меньше суток назад она была в пустыне со своим мужем, просила его поцеловать ее напоследок в их трейлере, затем зарывала пальцы ног в горячий песок и собирала скромные пожитки. Они решили, что остаток учений Мэгги проведет дома рядом с Розой, а когда Дэвид вернется, их воссоединение будет теплым и трогательным.

А теперь она едет по скользкой дороге Эттон-Крик, и рядом сидит беременная Дэйзи Келли, сбегавшая от Криттонского Потрошителя – отца ее ребенка.

– Мы скоро будем в полиции, – сказала Мэгги. Она решила, что из полиции, после того как у Дэйзи Келли примут показания, будет легче вызвать «Скорую помощь».

– Он насиловал меня, – сказала Дэйзи, и Мэгги глянула на нее, чтобы показать, что слушает. Кто знает, с кем этой девушке приходилось разговаривать весь этот год в заточении? Что с ней делали? Он ее насиловал. Он рвал ее губы поцелуями, бил ее щеки, душил.

В груди Мэгги загорелся огонь, и она крепче сжала руль и еще увеличила скорость. Даже если ее попытаются остановить, чтобы выписать штраф, безрассудно подумала она, все равно дорога одна.

– Скоро будем в полиции, Дэйзи, – сказала Мэгги, стараясь, чтобы ее голос звучал уверенно. – Этот подонок получит свое!

Дэйзи в ответ рассмеялась, но смех был пугающим и бесконтрольным, он вырывался из ее груди рваными звуками, наполненными болью. А через секунду Дэйзи обмякла на сиденье, потеряв сознание. Мэгги опасно коснулась ее шеи двумя пальцами, проверяя пульс. Сердечный ритм был неровным.

В полиции Мэгги ждал новый шок. Как выяснилось, Дэйзи Келли – молодая алкоголичка и наркоманка (что подтвердили уколы на сгибах локтей), а еще сумасшедшая. Она сбежала из дома с каким-то парнем, спасаясь от преследований поклонника. Последнее подтверждало письмо, адресованное

миссис Келли: «Мама, я устала от этого безумия. Если останусь на месте, он найдет меня и вырежет мое сердце. Я не вернусь домой, не ищи меня». После этого поиски прекратили, горячую линию, куда можно было звонить с информацией, отключили.

Мэгги еще никогда не была так зла. Она ругалась и вопила, обвиняла детективов в некомпетентности, заявляла, что они все поголовно сошли с ума, раз не собираются брать показания у жертвы. Те лишь сказали, что с удовольствием выслушают «жертву», если она скажет хоть словечко. Однако Дэйзи Келли в ответ лишь безудержно хохотала, брызжа окровавленной слюной.

Какой-то паренек в форме, проходивший мимо со стаканом, покосился в сторону Дэйзи, сидящей на стуле, и пробормотал себе под нос:

– Видно же, что наркоманка... И зачем ребенка?..

– ЗАТКНИСЬ! – рявкнула Мэгги так, что тот подскочил и пролил на себя кофе. Эта сцена вызвала новый приступ хохота у Дэйзи. Она держалась за живот обеими руками, сплевывая на пол кровь. После этого в ситуацию вновь вмешался детектив Харрингтон. Он единственный внушал Мэгги более-менее стойкую уверенность. Детектив начал с того, что Дэйзи Келли должна написать заявление, но пока что она, очевидно, находится под действием какого-то наркотика. Мэгги в ответ жестким тоном, граничащим с истерией, заявила:

– В машине она вела себя нормально!

– Она прислала записку, Маргарет, – спокойно сказал детектив Харрингтон, проявляя чудеса терпимости. – Это ее почерк, родители подтвердили. Дэйзи жила разгульной жизнью на протяжении пяти лет, а затем просто исчезла. И вернулась с ребенком, а Потрошитель, как всем известно, вырезает сердца у своих жертв. Сейчас мы проведем экспертизу и узнаем, говорит ли она правду. Попытаемся выяснить, чья кровь на ее платье.

– Она сбежала, – сказала Мэгги с нажимом. Она продолжала стойко противостоять им, но внутри зародились ростки сомнений: да, Дэйзи выбежала из леса, но кто сказал, что она сбежала от Криттонского Потрошителя? А вдруг от своего парня? А вдруг...

Дальше все завертелось с яростной быстротой, как безумная карусель, на которой желчь подкатывает к горлу, и тошнит, тошнит, тошнит...

Дэйзи внезапно закричала, падая со стула, и одновременно с этим в участок ворвались врачи «Скорой помощи», таща каталку, которая подпрыгивала на неровном полу. Дэйзи сопротивлялась, но ее погрузили на каталку и накрыли теплым пледом. Мэгги, не теряя ни секунды, бросилась следом за врачами. За ее спиной детектив Харрингтон раздавал указания офицерам следовать за каретой «Скорой помощи», а затем его голос стих – Мэгги выбежала на площадку. Запрыгнув в свою машину, она с колотящимся сердцем поспе-

шила за «Скорой» – ее мигающие фонари на всю округу сигнализировали об опасности.

Мэгги скрутило дурное предчувствие. Еще пару часов назад ветер порывался выдернуть деревья из земли, а теперь едва перебирал воду в лужах. Глянув на часы, Мэгги сильно удивилась – четверть седьмого утра, а небо по-прежнему темно-синее, с белыми мазками тумана, просочившегося между машин.

Все мысли Мэгги крутились вокруг Дэйзи Келли. Хоть та и была в надежных руках врачей, Мэгги все равно хотела убедиться, что с ней все в порядке. Когда карета «Скорой помощи» въехала на территорию больницы и остановилась у одного из корпусов, Мэгги резко затормозила и выскочила из машины. Она подроспела к «Скорой» как раз вовремя: врачи выкатили каталку с Дэйзи. Та безумно крутила головой, не переставая бормотать:

– Нет, только не сюда. Только не здесь. Только не это... Эй, эй, эй, – она вдруг заметила Мэгги и вцепилась в ее пальцы. Мэгги пришлось бежать вместе с каталкой к больнице, терпя боль в суставах.

– Нет, – прорычала она, глядя на Мэгги в упор. – Забери меня. Отсюда.

Она так крепко сжала пальцы, что Мэгги слышала хруст костей и едва сдержала болезненный стон. Мимо мелькали люди в синих, зеленых, белых одеждах; с капельницами, на каталках, на колясках; с перевязанными головами, конечно-

стями, туловищами. Но Мэгги смотрела только в исхудалое лицо Дэйзи Келли. Когда ее доставили в палату для осмотра, Дэйзи громко сказала:

– Пусть Маргарет останется со мной! – Услышав ее имя в полиции, она без устали повторяла его, будто волшебное слово. – Пусть Маргарет останется со мной! Я хочу, чтобы она была здесь, рядом! Пусть Маргарет будет рядом!

– Хорошо, – сказал высокий молодой человек в синей форме. – Хорошо, она останется, только не волнуйтесь. Назовите ваше имя и возраст.

– Дэйзи Келли. Двадцать один год. – Дэйзи говорила с трудом.

– Чья на вас кровь, Дэйзи?

– Ничья. Ничья. Не моя. Это не моя кровь. Она не моя, – лихорадочно бормотала она, держа Мэгги за руку.

– Мы возьмем вашу кровь на анализ. Переживать не стоит. Медсестра сходит за медкартой, Дэйзи. Это пара минут. – Когда врач задавал вопросы, он одновременно проверял ее пульс, мерил давление и температуру, светил в глаза фонариком. Закончив с Дэйзи, он обратил внимание на Мэгги:

– Как она поранилась?

– Без понятия.

– Мне нужны ваши данные, – сказал он, хватая планшетку, лежавшую на каталке. – Ваше имя, возраст, адрес, номер телефона, пожалуйста.

Мэгги дрожащим голосом ответила на вопросы и тут же

перестала интересоваться врача. Он вновь посмотрел на Дэйзи Келли – сперва на живот, затем в глаза:

– Вы стоите на учете?

– На учете? – переспросила она, нахмурившись и неосознанно сжав пальцы Мэгги.

– Вы беременны. Где вы стоите на учете?

– Я не... – глазные яблоки Дэйзи безумно завращались, и Мэгги поняла: она не хочет говорить правду. – Не здесь. Я не зарегистрирована здесь. Не здесь стою на учете.

То ли врач был непроницателен, а может, его просто не интересовало, с какой стати пациентка лжет, но он кивнул ей, а затем на секунду выглянул из палаты проверить медсестру или еще кого-то. Мэгги смотрела только на Дэйзи, а та смотрела на нее.

– Только не бросай меня, хорошо?

– Не брошу, – заверила Мэгги. – Расскажи им, кто это сделал с тобой, чтобы его наказали.

Дэйзи хмыкнула, будто это была какая-то шутка.

– Мне никто не поверит, Маргарет. Они не найдут никаких следов изнасилования, потому что он уже давно меня не насиловал. – Она потянула Мэгги на себя. – Забери меня отсюда, Маргарет.

– После...

– Нет! – рыкнула она, тараща безумные глаза. – Сейчас. Забери меня.

– Ты потеряешь ребенка, ты можешь...

– Он мне не нужен! – крикнула она и тут же шепнула, зловеще прищурившись:

– Он здесь. Он здесь, Маргарет. Работает в этой больнице. Забери меня. Или он найдет и убьет меня. И заберет ребенка. Он превратит его в чудовище.

* * *

Несмотря на то, что творилось в городе – все искали вновь пропавшую Дэйзи Келли, на этот раз ускользнувшую из больницы, – Мэгги без особых приключений добралась до своей квартиры.

Дэйзи кряхтела на сиденье, а Мэгги кусала губы. Она понятия не имела, что ей теперь делать. Подъезжая к дому, она вдруг вспомнила о листовке с контактными данными родителей Дэйзи. Хотя та и сказала, что не хочет, чтобы они видели ее в таком состоянии, Мэгги все равно украдкой вытащила листовку из-под козырька и сунула в карман штанов.

Дождевик шуршал, когда они поднимались по лестнице. Дэйзи стонала и одновременно смеялась, отчего Мэгги было страшнее прежнего: похищенная казалась безумной. Это неудивительно, ведь она провела в плену маньяка целый год, и один бог знает, что он с ней делал, но, по мнению Мэгги, Дэйзи могла бы пойти ей навстречу и не смеяться так жутко, разглядывая чистые стены в подъезде.

– Ступенька, ступенька, ступенька... – приговаривала

Мэгги.

– Не говори моим родителям, что со мной случилось, хорошо? – Дэйзи прекратила смеяться, когда они подошли к двери квартиры Мэгги, будто это был дом Дэйзи и внутри в нетерпении ждали родители. Мэгги кивнула, и Дэйзи, выгибаясь дугой от боли, добавила: – Я не хочу, чтобы они знали. Они будут смотреть на меня и представлять это...

– Но ребенок... – пробормотала Мэгги, и вдруг дверь квартиры распахнулась, и на пороге возник Дэвид. Дэйзи испуганно попятилась, потому что выражение его лица не сулило ничего хорошего, но Мэгги удержала ее за локоть.

– Не бойся, Дэйзи, это мой муж Дэвид.

Вместо ответа Дэйзи скорчилась. Тогда Дэвид оторвал взгляд от виноватого и одновременно радостного лица жены, и перевел взгляд на живот Дэйзи, а затем на ее сморщенное, словно финик, лицо. Затем он отступил, и Мэгги потащила Дэйзи в квартиру.

– Что случилось? – Хоть Дэвид и был занят дверью, Мэгги показалось, что мысленно он прожигает в ней дыру. Она скороговорной обо всем рассказала, придерживая Дэйзи под локоть.

– Ты пошла на улицу одна? – осведомился Дэвид, и Мэгги пробормотала, оправдываясь:

– Мне было интересно...

– *Интересно?* – переспросил Дэвид, но таким тоном что становилось ясно – ответа он не требует. Подойдя к телефо-

ну, он сказал: – Я вызываю врача.

Слово «врач» потонуло в крике Дэйзи Келли. Дэвид тут же обернулся к ней и присел на корточки.

– У тебя схватки?

Но Мэгги уже знала, что это. Никакие это не схватки, это ее реакция на больницу и врачей. Дэйзи зло процедила:

– Никакой больницы. Ди работает там, он там работает! – повторила она, словно боялась, что до них не дойдет смысл слов. – Он заберет ребенка. Он убьет меня за то, что я сбежала. Он убьет меня. Просто убьет меня. Как убил Оли. И превратит ребенка в чудовище. Нет. Нет, только не в больницу. – Дэйзи зашипела, держась за живот. – Если он узнает, где был рожден ребенок, он поднимет записи и все поймет. Он найдет его и сделает таким же, как он сам.

Дэвид поднялся на ноги, обернувшись к Мэгги:

– Мы должны вызвать полицию.

Дэйзи опять завопила, схватившись за штанину пижамных штанов Дэвида:

– Ну как вы не понимаете? Он только этого и ждет, чтобы найти меня! Ему никто не поверит! Он лучший врач в этом городе, и никто никогда не поверит, что он похитил меня! Никто... не поверит... никогда... Ох... Если позвонишь в полицию, я убью себя.

Дэвид вскинул голову, быстро размышляя над тем, что делать. Он был уверен, что Дэйзи не убьет себя, ведь она сбежала от маньяка не для того, чтобы убить себя в чужой квар-

тире, но она определенно могла выкинуть какой-нибудь фокус. Психика неустойчива, зрачки расширены, на руках следы от уколов.

Если она не сама принимала наркотики, то кто-то колол их. На шее следы от удушья, на бедрах порезы. На платье кровь. Дэйзи Келли нужна помощь специалиста. Но что делать, если Потрошитель врач и знает, где ее искать? Здесь, в квартирке Старого города, их никто не найдет, ведь никто не свяжет Мэгги и Дэйзи.

– Ты говорила им адрес? – спросил Дэвид, посмотрев на Мэгги. Она тут же обомлела от страха.

– Только... только сказала им адрес дома родителей.

– Свое имя назвала?

– Ну конечно, Дэвид! – воскликнула Мэгги, нахмурившись. Сейчас она понимала, что совершила ошибку. Нужно было назваться «Джейн Смит» или еще как-нибудь, но только не Маргарет Айрленд.

– Им не составит труда найти эту квартиру, Мэгги, – пробормотал Дэвид, затем опустил взгляд на Дэйзи. – Но у нас все равно есть несколько часов. Думаю, этого хватит, чтобы Дэйзи родила здесь ребенка.

После этого Мэгги казалось, что она вновь провалилась в параллельную реальность. Но это не был удивительный и волшебный мир. Это была отвратительная, ужасная реальность, наполненная стонами боли и строгим голосом Дэвида: «Еще чуть-чуть, Дэйзи. Давай, Дэйзи. Держись, Дэйзи». Он

постоянно звал ее по имени, будто думал, что это не даст ей умереть. И она не умирала. Она безумно мычала, превозмогая боль, вгрызалась зубами в кляп, приглушающий вопли. «Никто не должен меня слышать! Это секрет, большой секрет».

Мэгги опустила взгляд на руку, куда Дэйзи зачем-то сунула диктофон, сказав:

– Никому не доверяй, особенно полиции и врачам. Оли успела записать только это, но этого слишком мало для доказательств.

Мэгги прослушала жуткую запись несколько раз. Сперва испытала ужас, затем жалость и непонимание. Почему Дэйзи не отдала полиции диктофон? Неужели она действительно решила, что полиция и Криттонский Потрошитель заодно? А вдруг да, и именно поэтому его никак не могли поймать?

Приняв решение, Мэгги схватила трубку и набрала номер дома Дэйзи Келли. Было раннее утро – за окнами только зарождался серый сонный рассвет.

Отец Дэйзи ответил после второго гудка. Мэгги объяснила, почему звонит, и попросила не вызывать полицию и врачей, иначе Дэйзи отыщет Криттонский Потрошитель. После того, как мистер Келли проорал в трубку, что скоро будет, Мэгги тяжело опустилась на табуретку и закрыла лицо ладонями. Она хотела выбраться из кроличьей норы, хотела ощутить под ногами устойчивую почву, почувствовать на коже ветер. Но вместо этого слышала голос Дэвида и рычание Дэй-

зи, наполненное муками боли. Время несло рывками. Оно определялось стонами Дэйзи, шумным дыханием Дэвида, голосами с диктофона. Звонком в дверь. А затем детским плачем.

* * *

20 ноября 2016

– Мама так и не продала квартиру, – сказала я приглушенно, когда история миссис Нэтвик закончилась.

Конечно, у меня было еще много вопросов, тягучих и тяжелых, пугающих как разжиревшие черви, копошащиеся в земле, но сил задавать их не было. Миссис Нэтвик в свою очередь выглядела как птица, выпущенная из клетки. На ее щеки вернулся румянец, во взгляде горели искорки. Она избавилась от тяжелого бремени, лежащего на ней. Миссис Нэтвик избавилась от секрета, вложив его в мои жаждающие, распахнутые в просьбе ладони, и теперь уже я почувствовала себя так, будто угодила в ловушку.

Мне хотелось спрятаться куда-нибудь в уголок, поэтому, когда миссис Нэтвик предложила еще чаю, я отказалась.

– Уже начало шестого, – заметила я, добавив, что ее муж не будет в восторге, если догадается, что она всю ночь была на ногах.

Она кивнула, при этом так пристально изучая мое лицо, будто пыталась взглядом прочесть, что творится в моей го-

лове. Я улыбнулась.

– Все нормально, миссис Нэтвик.

Она болезненно нахмурилась.

– В том-то и дело, Кая. Такая история... – Она качнула головой, силясь подобрать подходящее слово для описания. – Почему эта дикая история, которая взбудоражила бы любого человека, оставила тебя равнодушной?

– Может, потому, что вы добавили в мой чай коньяк?

– Как ты догадалась?! – Она отшатнулась, пристыженно сжав губы.

– Почувствовала запах, – объяснила я. – Вы же знаете, я не совсем... – хотела сказать «в порядке», но вовремя проглотила это выражение и скомканно закончила: – Я просто так реагирую. – Замешкавшись, пробормотала: – Никак не пойму, зачем той ночью мама выбежала под дождь, почему поспешила помогать какой-то незнакомке...

В глазах миссис Нэтвик сверкнул огонек вопроса, а между бровей залегла морщинка. *Зачем поспешила помогать какой-то незнакомке...* – вот что ее насторожило. Но я не стала ничего уточнять, извиняться или делать что-либо еще – просто ждала. Наконец лоб миссис Нэтвик разгладился, и она тепло улыбнулась:

– Твоя мама всегда была авантюристкой, Кая. А двадцать три года – вообще не тот возраст, когда тебя парализует страх. Хоть Мэгги и боялась всего на свете, но мчалась вперед как скоростной поезд. И ты на нее в этом очень похожа,

Кая.

– Я не похожа на нее. Она не моя биологическая мать.

– О боже, Кая! – охнула миссис Нэтвик, всплеснув руками. – Ты прекрасно знаешь, что гены – это не все. Ты прекрасно знаешь, что пятьдесят процентов человека – это его воспитание. Тебя воспитала Мэгги, она твоя мать! Гены – не самое главное!

– Не в моем случае, миссис Нэтвик, – ответила я, глядя на свое мутное отражение в оконном стекле. – У меня все признаки. Я похожа на него больше, чем вы думаете.

– Я все равно не понимаю, о чем ты говоришь, – отрезала миссис Нэтвик, и я отвернулась от окна и ответила на ее взгляд.

– Понимаете, и поэтому напуганы. Я похожа на Криттонского Потрошителя.

– Ты НЕ похожа на него! – крикнула она, пружинисто вскакивая на ноги. Я подняла голову, следя за ней мертвым взглядом. – Повторяю: ты дочь Мэгги и Дэвида Айрлендов, а не того чудовища! Ты их дочь – не его!

Миссис Нэтвик шумно выдохнула и сжала зубы. Мне казалось, у нее на языке крутится ругательство. Или вопрос «да что с тобой такое, девочка?», но она не сказала ни того, ни другого, лишь вздохнула, вернулась на прежнее место и дрожащим голосом попросила:

– Кая, пожалуйста, скажи мне, что не думаешь, что как-то причастна к происходящему в Эттон-Крик. Потому что это

физически невозможно.

– Вы правы, в этой истории не все сходится. Но многое, очень многое указывает на меня.

– Почему ты говоришь об этом так спокойно?! – Она опять сорвалась на крик.

– Я устала, поэтому так говорю. Я устала бороться с неизвестным противником.

Миссис Нэтвик беззвучно распахнула рот, с ужасом вздрившись на меня.

– Кая... неужели тебе легче решить, будто под маской Неизвестного скрываешься ты?..

– Конечно, нет! Кто-то убил моих друзей, как я могу испытывать облегчение?! – выпалила я, но тут же взяла себя в руки и ровным голосом закончила: – Я не знаю, что чувствую. Я чувствую столько всего одновременно, что кажется, будто вообще ничего не ощущаю. Я не знаю, как это объяснить. Возможно, со мной действительно не все в порядке. Может, доктор был прав, и в клетке Стивена часть моего мозга просто умерла.

– Что ты... как ты...

– Утром позвонит детектив Дин, чтобы сказать, чьи отпечатки обнаружили на теле Скалларк. Не знаю, удивлюсь ли я, если он скажет, что мои, ведь у чудовищ рождаются чудовища, миссис Нэтвик, еще Дэйзи Келли об этом говорила. Она и сама не была здорова, когда вынашивала меня – ее мучил Криттонский Потрошитель, держал в плену в неизвестно ка-

ких условиях, пичкал наркотиками. Ее ребенок не мог родиться нормальным. И неважно, сколько отец пытался меня перевоспитать, этого, — я постучала указательным пальцем по виску, глядя миссис Нэтвик прямо в глаза, — не отнимешь.

Мне отчего-то стало жаль миссис Нэтвик, когда ее лицо перекосилось от моих слов, будто она ждала чего-то другого, другой реакции. Хотелось спросить, какой именно реакции она от меня ждала, но не спросила — боялась, что разозлюсь.

В Эттон-Крик убивают людей, и я как-то со всем этим связана, с каждым из убийств. А тело Скалларк нашли в моем подвале. Единственное, что я могу сделать в этой ситуации — мыслить рационально. Я не могу кричать с пеной у рта «ЭТО НЕ Я!», потому что не знаю, так ли это. Если попытаюсь сбежать от себя самой, правда рано или поздно настигнет. Даже двадцать лет спустя.

* * *

Я не спала более тридцати семи часов, но когда голова коснулась подушки, сон все равно не шел. Сквозь сомкнутые веки просачивался слабый утренний свет, руки и ноги будто налились свинцом, поэтому если бы кто вздумал на меня напасть, я бы не сопротивлялась. Несмотря на это, мозг работал в десять раз усерднее, чем обычно, казалось, он и тело существуют по отдельности.

После истории миссис Нэтвик, которая бросила тень на

все мое прошлое и настоящее, я физически ощущала, как появляются новые вопросы, а старые получают заслуженные ответы.

Перед закрытыми глазами вдруг всплыло мамино лицо. Это был конец февраля две тысячи четырнадцатого. Мама смотрела на меня со страхом во взгляде, и теперь я понимала почему: она боялась увидеть во мне ее – Дэйзи Келли, которую, как и меня, держали в клетке. Или, может, она боялась увидеть в моих глазах отражение Криттонского Потрошителя?

Мама боялась меня? А отец? Они боялись, что после клетки Стивена во мне проснутся асоциальные черты характера, – те самые, которые присущи моему настоящему отцу?

Внезапно я осознала, что у моих родителей действительно были все причины переживать.

В школе у меня не было друзей, меня не интересовали те вещи, которые интересовали обычных девочек. Каждые выходные вместе с отцом я посещала стрельбище, где он учил меня стрелять, ходила в секцию бокса, кружок по скалолазанию, получила черный пояс...

После окончания военной школы, когда я с натянутой улыбкой вручила отцу диплом, и перед поступлением на медицинский факультет, мне пришлось пройти тщательное обследование для получения лицензии на хранение огнестрельного оружия. Отец подарил мне пистолет сорок пятого калибра и кожаную кобуру с инициалами «К. А.». Если

уже тогда, два года назад, я была не в себе, как смогла пройти медосмотр? Неужели врачи не заметили, что со мной не все нормально? А может, я как Криттонский Потрошитель? Психопаты способны обмануть кого угодно, и это доказало то дьявольское существо, похитившее Дэйзи Келли. Потрошитель был искусным лжецом, раз смог притворяться перед всем городом нормальным человеком.

По моим рукам пошли мурашки. Я ведь тоже притворяюсь. Каждый день имитирую эмоции, каждый день притворяюсь, что со мной все в порядке. И так было почти всегда – после того, что случилось с Лили, я постоянно делала вид, что *здорова*.

А вдруг все ложь? А вдруг я не здорова? Или, может, все дело в том, что я умерла? Врачи в больнице сказали маме с папой, что я опасна сама для себя, что веду себя так, будто часть меня мертва. Может, все дело в этом?

Нет. Нельзя отрицать очевидных признаков, на которые указал Аспен: потеря памяти, садистские наклонности, эмоциональная сдержанность. Типичная жертва.

Дочь серийного убийцы.

Я почувствовала, что сердце вновь сжимается.

Хотелось притвориться, что *это* ничего не значит, но на самом деле это значило все. Аспен прав, я могу быть подозреваемой номер один, потому что идеально подхожу на эту роль. Я – дочь серийного убийцы. Эта мысль не давала покоя. Я пыталась выжечь ее, накрыв голову подушкой и за-

держивая дыхание так, что в черепе стало горячо, но она все не исчезала.

Я дочь Криттонского Потрошителя.

Всю свою жизнь я опиралась на Дэвида Айрленда, брала с него пример. В клетке Стивена именно его слова помогли мне выжить. У меня был отец, который отдавал приказы бороться, держаться до конца. Ради себя, ради Джорджи, ради них. У меня был отец, который говорил: «Кая, ты отжалась всего-то двадцать раз! Это подойдет для десяти лет, но не для четырнадцати!»

Он твердил, что я могу больше, чем говорю. Говорил, что моя сила воли заставляет его гордиться мною, говорил, что я – его наследие. Я верила всем его словам. Я хотела, чтобы он продолжал хвалить меня, продолжал криво улыбаться, глядя, что я могу подтянуться на перекладине пять, десять, пятнадцать раз. Что я сильная, что я выдержала, что я – боец.

Вот как он меня воспитывал. Но вдруг что-то пошло не так, вдруг все было ошибкой?

Откинув подушку в сторону, я глотнула свежего воздуха и почувствовала, как болезненно жжет глаза. Накрыв веки ладонями, я умоляла себя не плакать.

Это все какая-то насмешка судьбы.

Если бы мама не была такой экстравагантной, если бы страх пересилил ее любопытство, она бы не повстречала Дэйзи Келли. Она бы не повезла ее в полицию, не дала свои данные дежурному врачу. Не отвезла бы Дэйзи домой. Папа

не принял бы роды. И меня бы не было. Если бы не они, родители Дэйзи отдали бы меня в приют или в церковь. Они сказали: «Мэгги, этот ребенок зло. Он принесет тебе много страданий, вот увидишь». И если бы мама поверила их словам, она бы не забрала меня, не спрятала. Она не ввязалась бы в эту историю. Не продала бы мебель из квартиры в Энтон-Крик и не занялась расследованием. И осталась бы жива.

Если бы не я, Стивен Роджерс не убил бы Джорджи.

Если бы не я, отец не попал бы в ту аварию.

Если бы не я.

Убрав ладони от лица, я раскинула руки в стороны и уставилась в потолок. По щекам покатались слезы, в голове творился полный хаос: взрывались бомбы, земля трещала по швам, лопались дороги и рушились здания. Но я по-прежнему лежала не двигаясь, все еще в свитере. В левой руке цепочка, подаренная Аспеном, врезалась в кулак. Я надавила сильнее, проверяя, пойдет ли кровь, но металл был недостаточно острым, чтобы проткнуть кожу.

Опасные, опасные мысли, Кая. *Странные мысли.*

Слезы уже исчезли. Может, мне только показалось, что они были.

– Может, ты думаешь, что не связана?

Ну конечно же, он обо всем знал. Ной знал, что я дочь того существа и Дэйзи Келли. Когда я называла ее имя в стенах особняка, он даже не морщился, лишь просил, чтобы я оставила это дело в покое, пока не стало хуже. Он боялся,

что я узнаю о себе страшные вещи.

А вдруг я действительно Неизвестная?

Аспен подозревал меня. Все жертвы были связаны со мной. Скалларк обнаружили у меня в подвале. Аспен мне не доверял, он считал, что убийца – физически сильная женщина.

Он описал меня.

– Может, ты думаешь, что не связана?

Я и не хочу об этом думать. Хочу прогнать эти мысли из головы, но пугающее ощущение, что они и есть я, не отпускает.

Некоторое время спустя я с трудом дотянулась до мобильного телефона в кармане и взглянула на экран. Девять утра. Спит ли миссис Нэтвик после этой истории или тоже не сомкнула глаз?

Повернувшись на бок, я свернулась в клубочек, прижав колени к груди. Дотянулась до покрывала, сложенного на краю кровати, неуклюже накрылась им. Тело казалось ненужным, голова ощущалась неправдоподобно тяжелой. Минуту спустя не осталось ни одной мысли – только ощущение истощенности.

* * *

Почувствовав, как ноги во что-то упираются, я открыла глаза. Вновь гроб. Вновь неровные доски из вишневого де-

рева. Затаив дыхание, я застыла в одном положении. Минуту спустя грудь охватила болезненная агония.

– Что ты делаешь?

С шумом выдохнув, я повернула голову в сторону и увидела рядом Ноя. Он тоже лежал на спине, только одна рука была на груди, а другая под головой. Мышцы были напряжены, судя по тому, как их облегалa серая футболка. Из-под потрепанных длинных рукавов было видно только кончики пальцев.

– А ты что делаешь? – спросила я.

– Просто рядом лежу. – Веки Ноя были такими же тяжелыми, как у меня, глаза покраснели. Он томно моргал, выглядя сонным и уставшим. Я вздохнула:

– Как ты сюда попал?

– Ты меня впустила. Уже лучше, Кая. – Ной попытался повернуться на бок, но гроб был слишком маленьким. – Пожалуйста, позволь приблизиться. – Я непонимающе нахмурилась, и он с мягкой улыбкой шепнул: – Давай же, расширь границы, чтобы я смог придвинуться поближе.

Я все еще хмурилась, не понимая, что делать. Это ведь гроб, как я могу расширить его границы? Что он имеет в виду? Может, попытаться самой приблизиться?

Повернувшись на бок, я приподнялась на локте и наклонилась в сторону Ноя. Он изогнул брови:

– Ого, ты решила сделать первый шаг?

Промолчав, я обхватила его талию рукой и подтянулась

поближе. Ной улыбнулся, когда я устроилась рядом, погладил меня по волосам. Меня поразил знакомый запах сдобы, вишни и меда. Самый любимый на свете запах.

Подняв голову, я встретила с Ноем взглядом и попросила:

– Вытащи меня отсюда, верни наружу.

Целую вечность Ной не двигался, а затем все-таки осторожно опустил на мою ладонь свою руку и, сжав пальцы, уверенно потянул на себя. Я подалась вперед. Прошла секунда, в которую вместились все: и его движение рукой, и четкий пульс сквозь кожу, и доверчивая улыбка...

Суставы на моих пальцах хрустнули – так крепко Ной вцепился, а затем я резко проснулась.

Наручные часы показывали 12:03, но я не чувствовала себя лучше. Кажется, с меня срезали кожу, как я когда-то срезала ее со Стивена; из тела вытянули все жилы, сосуды и по венам пустили расплавленное железо. Ни руки, ни ноги по-прежнему не двигались.

Когда-то я разобрала Стивена Роджерса на части, а теперь кто-то разобрал меня. *Криттонский Потрошитель*. Чтобы я не забыла, что все случившееся не один из ночных кошмаров, где мне кажется, будто в шкафу кто-то есть, чтобы я помнила, что это и есть реальность, и чудовище в шкафу – я.

Взяв мобильник, я набрала номер детектива Дина. *Я узнаю, чьи отпечатки были на теле Скалларк прямо сейчас.* Я больше не смогу встать с постели, думая, что могла при-

чинить ей боль. Она не была Стивенсом, она была моей подругой, и если я могла убить ее, притащить в свой подвал, а затем забыть, я никогда не поднимусь. Я сделаю то, что делает Леда Стивенсон. *И меня уж точно никто не спасет.*

– Я только собирался перезвонить, – сказал детектив Дин после первого гудка. – Куда ты, черт возьми, запропастилась?! Это Лаура. Ее отпечатки повсюду. Орудие убийства не найдено, но все кончено. Это она. Будет суд. Ее ждет пожизненное заключение в тюрьме строгого режима.

Он сказал это скороговоркой, будто куда-то спешил. Поэтому я не сразу поняла, что он произнес. Только дышала в трубку, слыша его громкие шаги, наполненные решимостью.

– Лаура Дюваль убийца, – произнесла я вслух. Голос был уставший, простуженный, в нем проскрипели горечь и смирение.

– Да, Лаура Дюваль, – подтвердил детектив. – Я сейчас собираюсь в полицию, хочу переговорить с Кристмасом по этому делу. Хочу знать, что она сказала о твоей матери.

– Что вы имеете в виду? – тут же очнулась я. Я знала, что он говорит о моей маме – о Маргарет Айрленд, – но рядом с ее изображением появилось совершенно другое лицо – знакомое и незнакомое одновременно.

Судя по звукам, детектив вышел из подъезда.

– Хочу знать, была ли она причастна к пожару, в котором погибла твоя мать. Я перезвоню, когда узнаю еще что-нибудь.

– Хорошо.

Я отложила телефон и посмотрела в полоток, затем по сторонам. На стенах обои, за окном холодными бликами играет ноябрьское солнце. Внутри со мной творилось что-то странное. Я чувствовала себя как после утренней пробежки, когда сил бежать уже нет, дыхание не покидает легкие, но ты все равно делаешь шаги, сгибаешь и разгибаешь колени, работаешь локтями. Ты не сдаешься, а затем приходит наслаждение – цель позади! И вот ты замедляешься, легкие расширяются, позволяя вобрать живительный воздух, глубокий вдох, голова вскинута вверх, перед глазами все кружится... Но ты жив.

Я почувствовала, что жива, именно в тот момент, когда детектив Дин назвал имя Лауры.

Все-таки это не я.

* * *

Когда я спустилась вниз, миссис Нэтвик выпрыгнула к лестнице в своем излюбленном переднике, хлопнув в ладоши:

– Кая, ты уже проснулась? А я только собиралась тебя будить!

Миссис Нэтвик солгала, и это было ясно по ее бегающим, расширившимся глазам. Я притворилась, что не заметила.

– Мне пора домой.

– Нет, нет, нет, нет, – пролепетала миссис Нэтвик. Все уловки у нее уже были готовы, поэтому она вытаскивала их в нужный момент и являла миру. Ее рука коснулась моего локтя, на что я обратила внимание, а она – нет.

– Кая, ты должна хотя бы позавтракать. Ты не можешь преодолеть пять часов пути на голодный желудок. Не под моим присмотром.

Ее шуточный тон голоса меня удивил: неужели миссис Нэтвик поспала пару часов и пришла в норму?

– Послушайте, миссис Нэтвик... – Я ненавязчиво обошла ее, и она встала ко мне лицом и спиной к входной двери. – Пока что нам нельзя видеться. Где-то там на свободе убийца моей мамы. И если он нашел ее, то, значит, найдет и меня. А когда поймет, кто я, всем вокруг будет грозить опасность. И вам в первую очередь.

– Но... но... – испуганно пролепетала миссис Нэтвик. Я не умела успокаивать, – все эти прикосновения, ласковый тон голоса, мягкий взгляд... не мое это. Когда я прибегаю к таким уловкам, мне кажется, что звучу фальшиво.

– Миссис Нэтвик, это ненадолго, – твердо пообещала я. – Только до тех пор, пока убийцу не поймают.

– Но Кая... – На этот раз я позволила ей договорить, терпеливо ожидая окончания предложения. – Кая, как же так? – Следующая ее уловка – слезы. В уголках глаз тут же появилась влага, словно по команде. – Это неправильно. Если мы не будем видеться, то... Кая, что же у тебя останется?

Я ничего не ответила, и миссис Нэтвик сморгнула слезы и, прочистив горло, бодро сказала:

– Ладно. Мне это не нравится, но я не могу с тобой спорить. – Она шмыгнула носом. – Это надолго?

– Нет. – Я помолчала. – Я позвоню вам, миссис Нэтвик.

Я направилась к двери, и женщина поспешила за мной, быстро перебирая ногами в домашних тапках.

– А кто... чьи отпечатки?.. Обнаружили?.. – запинаясь, спросила она. И когда я обернулась, миссис Нэтвик затормозила, испугавшись.

– Не мои. Это не я.

– Я знала, что это не ты! – воскликнула она, бросившись ко мне. Обняла меня крепко-крепко. Я позволила себе на секундочку расслабиться, а затем отстранилась.

– Мне следует вернуться в Эттон-Крик.

Может, она хотела еще что-то сказать или спросить, но я не дала ей шанса, распахнув дверь и выйдя из дома. И хотя внутри меня все дрожало от нервного возбуждения, как и вчера, когда я только подъехала к дому, я сделала вид, что все нормально, – ведь миссис Нэтвик наблюдает за мной, стоя на пороге с потерянными выражением лица.

Все хорошо, миссис Нэтвик, я не напугана, не растеряна, мне не холодно.

За спиной хлопнула калитка.

Когда я забралась на сиденье, до моих ушей запоздало донесся отчаянный крик:

– Но на свадьбе Селены ты будешь?!

Я притворилась, что не слышала его.

* * *

Возвращаться в Эттон-Крик не хотелось, так что я заехала в супермаркет и застыла рядом со стендом, на котором висел портрет Ноя Эллисса. Тут же вспомнилась история миссис Нэтвик: как отец Дэйзи Келли даже год спустя разыскивал дочь... Ищет ли Ноя кто-нибудь точно так же?

Зачем-то купив три килограмма яблок и банку мороженого с соленой карамелью, я забралась в машину и накинула на плечи плед, чтобы согреться. *Еще и мороженое купила!* Возвращаться назад в магазин не хотелось, так что я съела мороженое и запила его привкус минеральной водой. Мимо моей машины шли люди. Они миновали стенд с рекламными объявлениями, скользили взглядом по лицу Ноя, но даже не останавливались.

Вдруг оставаться на одном месте стало невыносимым, я завела двигатель и вновь покатила по городу. Следующая остановка – кладбище. Увидев железные ворота и домик сторожа, я почувствовала, как в груди теснее сжимается узел тревоги.

Надо бы сходить к Лили. После того, как я убила Стивена и вырезала на его груди ее имя, я так ее ни разу и не навещала. Мне было очень стыдно. Сейчас внезапно стало легко.

Будто всем моим жестоким поступкам разом нашлось объяснение. Я не просто так странная, не просто так больная, не просто так не от мира сего. Дело ведь даже не во мне, это не моя вина. Не моя вина, что тогда я набросилась на Стивена... просто... Просто в моей голове что-то есть. Что-то чужеродное. Я хотела рассказать об этом Лили, объясниться.

Мне не терпелось признаться маме с папой, что я все знаю. Я знаю, что они сделали ради меня, что спасли мне жизнь, в то время как Дэйзи от меня отказалась, а ее родители настойчиво советовали бросить меня на какой-нибудь автостоянке, в больнице, на пороге церкви или, чем черт не шутит, в мусорном баке. Если бы мои мама с папой так поступили, а я бы все равно выжила, эта тварь в моей голове, это чужеродное существо... оно бы просто проглотило меня. Сейчас оно в капсуле. Отец заковал эту капсулу в железную оболочку, покрыл ее бетоном воспитания и уверенности. Мама окружила эту капсулу любовью и добротой. А если бы не они, капсула бы вскрылась, и тогда я бы стала новым Криттонским Потрошителем, новым монстром.

Путь мама с папой знают, что я не сдалась, хоть и умерла. Я никогда не сдаюсь.

* * *

Дурное предчувствие все не отпускало. Я продолжала колесить по городу в поисках неизвестно чего. Когда внезапно

но зазвенел будильник, напоминающий о приеме пищи, я с удивлением обнаружила, что БМВ припаркован на противоположной стороне дороги от дома Ноя Эллисса. На почтовом ящике была табличка: «Доставлять только хорошие послания».

Надпись была странной и напомнила о другом Ное – том парне, который живет в особняке Харрингтонов. Было что-то жуткое в том, чтобы просто так сидеть рядом с домом Эллисов и знать, что их сын давно мертв, что в его теле живет кто-то другой. Даже не человек.

Я задумалась: а сильно ли Ной Харрингтон отличается от Ноя Эллисса? Каким Ной Эллисс был при жизни? Я помнила лишь наши короткие разговоры в больнице после клетки, помнила его глаза-льдинки и теплую улыбку.

Вдруг в окно с пассажирской стороны кто-то осторожно постучал. Обернувшись, я увидела светловолосого мальчика, который смотрел на меня так, словно узнал. Когда я опустила стекло, он с улыбкой поздоровался:

– Привет!

– Привет, – ответила я. Мальчик выпрямился, махнув рукой:

– Идем в дом, мама будет рада тебя увидеть.

Я заглушила двигатель и вышла из машины, подчиняясь какому-то странному наплыву чувств. Когда мальчик перешел дорогу и направился к дому Эллиссов, я поняла, кто он, и на ватных ногах пошла следом. Это Билли Эллисс – млад-

ший брат Ноя. Паренек, с которым дружила моя сестра. Ему, наверное, уже лет тринадцать или четырнадцать. Почти такой же высокий, как я, только худой, словно щепка.

– Проходи! – сказал он, приветливо распахивая передо мной дверь. Я сжала и разжала кулаки, чувствуя от волнения почти нестерпимую боль в груди. Билли между тем крикнул куда-то в сторону: – Мам! У нас гости!

– Кто? – миссис Эллис выглянула из кухни. У нее были такие же светлые волосы и голубые глаза. На губах – мягкая, чуть удивленная улыбка. Ее домашний вид в кухонном фартуке задел внутри меня какие-то болезненные раны, но я слабо улыбнулась и поздоровалась. Не знала, что еще сказать. Меня здесь не ждали, и я не знала этих людей. Да и они меня, по правде говоря, тоже не знали.

– Кая Айрленд! – Миссис Эллис вытерла пальцы о фартук и приблизилась ко мне. – Рада, что ты зашла.

– Она сидела в машине, – вставил Билли, нырнув на кухню. Миссис Эллис удивилась:

– Зачем? Нужно было сразу зайти в дом.

Почему семья Ноя так себя ведет?

– Тебе не холодно? – Миссис Эллис осмотрела меня. – Где твоя куртка?

– Осталась дома, – сказала я. Мой мертвый голос вновь царапнул ту болезненную рану в груди. Ничего не происходило, а казалось, что происходило все сразу. Было больно просто смотреть на этих людей, знать, что они ждут *его*, а он

уже давно мертв.

Прочистив горло, я спросила:

– Можно мне посмотреть его комнату?

Мать Ноя на одно мгновение застыла, а я отсчитала три удара сердца. Она должна сказать «нет», и это было бы благо-разумно. Но после секундного колебания она ответила «да» и попросила Билли проводить меня наверх.

– Идем, – он не возражал. Утянув с кухни кусок мясного пирога, Билли указал в сторону белой лестницы с ковровым покрытием. Миссис Эллис крикнула вслед:

– Ребята, я пока приготовлю чай.

Я хотела сказать, что не стоит этого делать, но промолчала. Билли, хватаясь за перила, поспешил наверх.

– Лично я не думаю, что Ноя похитили, – говорил он оптимистично, но я все равно слышала горечь и обиду. – Да кому нужен этот болван? Я думаю, он сбежал в другую страну. Например, отправился на Аляску...

– Аляску? – удивилась я, шагая следом.

– Ну да. – Билли хмыкнул все с той же горечью. – Он просто обожает Аляску. И зачем она ему нужна, а? Или, может, он отправился спасать китов. Ты же знаешь, Ной с приветом. – Билли покрутил пальцем у виска. – Добряк еще тот.

– Да, – эхом отозвалась я, чувствуя новый болезненный укол. Еще немного, и я начну кровоточить.

– Ной был счастливым, добрым, веселым, самоотверженным парнем. Хорошим человеком. И его ничто не дер-

жало. Его душа на небесах.

Билли остановился на втором этаже и отпер одну из трех дверей.

– Мама тут немножко убрала. Пыль и все такое. Тут черт знает что творилось.

– Хорошо, – ответила я, чувствуя себя не в своей тарелке. Было дурно. Еще и оттого, что Билли стоял рядом и наблюдал за моей реакцией. Хотелось спросить напрямик, в чем дело, почему они так добры, почему впустили меня в дом и в *его* комнату.

И хуже было оттого, что я знала: он мертв. Что я стою там, где раньше стоял настоящий Ной. Смотрю на стену, на которой висит плакат группы «Металлика». Его тоже прикрепил он. Смотрю на его ноутбук, на его шкаф, на чистую стопку одежды на краю кровати, на гитару в углу, на книжные полки над письменным столом.

Билли вдруг куда-то подевался. Может, спустился вниз на кухню ухватить еще кусок пирога. На ватных ногах, чувствуя, что в груди происходит что-то странное, я шагнула к письменному столу и осторожно взяла в руки рамку с фотографией. На ней были мы: Ной и я. За нашими спинами стена, разрисованная четкими контурами лилий. Между нашими лицами расстояние в тридцать или даже сорок сантиметров. Он улыбается. Сияет так ослепительно, что взгляд поневоле сразу падает на него. Светлые встрепанные волосы, белые зубы, поднятые брови и большие синие глаза в обрам-

лении пушистых ресниц. Его рука попала в камеру.

Рядом я, тоже улыбаюсь, но далеко не так ослепительно, как Ной. У меня узкие плечи и небольшое овальное лицо. Волосы до лопаток и встрепанная челка, придающая мне озорной вид.

Значит, это школа. Фотография сделана до смерти Джорджи, потому что после я отрастила волосы и больше не улыбалась. И Ноя не помню. До смерти Джорджи я многое не помню, вот и его забыла. В голове вновь всплыло воспоминание:

— Билли говорит, что его брат в тебя влюблен, но он тебя боится.

Я обернулась на дверь, но Билли не было. Никто не поднимался наверх, чтобы проверить, чем я занимаюсь. Потому что я не незнакомка. Они меня знают, ведь меня и Ноя что-то связывало — то, о чем я забыла.

Я вновь посмотрела на фотографию, а затем раскрыла рамку. Внутри была записка на тетрадном листе, сложенная в несколько раз. Сначала я взяла в руки фотографию и прочла на ней надпись:

Кая Айрленд и Ной Эллис, 10. 12. 12.

Не колеблясь, я опустила рамку и фотографию на стол и развернула записку.

«Помнишь, ты спросила, почему я тебя люблю? Я тогда растерялся и ничего не ответил, но теперь знаю ответ. Я хочу сказать это здесь и сейчас. Ни почему. Вот так. Я про-

сто люблю тебя и все. И я не знаю причин. На самом деле я никогда не задумывался над этим вопросом. Но я могу постараться. Если ты хочешь. Я могу составить список причин, по которым тебя люблю.

Ты только позволь мне, Кая. Ты только вспомни меня, вспомни меня настоящего».

Я спрятала записку в карман штанов, туда, где лежали таблетки, и вернула рамку с фотографией на законное место. Внезапно на меня накатило облегчение – та проклятая рана в груди наконец-то открылась. Я почувствовала, как течет из уголков глаз к подбородку, но не могла остановить кровотечение, не могла залатать себя как раньше. У меня больше не было ниток.

Впервые за долгое время мне больше не было себя жаль, я осознала простую истину. Я свалила дурака. Только делала вид, что движусь вперед по намеченному плану. Но на самом деле ныла, ныла и ныла. Я лишь мучилась оттого, что ушло время, что жизнь закончилась, что я не успеваю выполнить чертов список желаний.

А ведь это я убила Джорджи. Это я убила маму. Из-за меня погиб Ной Эллис.

И, в отличие от меня, у них не было второго шанса. У них не было возможности пожить еще немного, а у меня была. У меня была сотня таких возможностей. Была тысяча возможностей жить полной жизнью, увидеть маму и отца, найти друзей и даже влюбиться. Но не у них.

Все это время я винила Ноя Харрингтона зря.

Просто жить иногда больно, вот и все. Он в этом не виноват.

— Кая, — позвал Билли, возникая на пороге комнаты. — Мама приготовила твой любимый чай. Говорит, чтобы ты спустилась.

— Иду, — ответила я. Билли исчез, а я, перед тем как уйти и запереть дверь, в последний раз осмотрела комнату Ноя Эллисса. Он был хорошим парнем. *Добряком*. А теперь его душа на небесах.

Глава II

Запертые души

Я вернулась в Эттон-Крик глубокой ночью – прокралась в город как воришка. Вглядываясь сквозь призрачные дорожки дождя, разгоняемые стеклоочистителями, и дожидаясь возможности проехать на зеленый, я не могла унять дрожь.

Я повторила тот же путь, что и в сентябре на такси, и через некоторое время остановила машину на том же месте. Как и тогда, особняк Харрингтонов взглянул на меня в ответ темными глазницами окон, поприветствовал скрипом ворот.

Было не заперто.

Меня по-прежнему трясло от нервного возбуждения.

В действительности мы с Ноем не виделись чуть больше двух недель, но чувство было таким, будто мы знакомимся вновь. Я увижу его впервые, впервые коснусь, впервые услышу тембр его голоса, впервые вдохну его запах...

Я остановилась, согнувшись пополам, когда накатила тошнота.

Переборов приступ, я глубоко вздохнула и вновь двинулась к двери. Чутко прислушиваясь к хлюпанью грязи под подошвами ботинок, пыталась придумать как завязать разговор.

Промокшая до нитки, я шагнула под навес и оцепенела.

Он там, ждет меня.

Я потянулась к ручке двери, но та внезапно распахнулась, осветив меня приветливым тусклым светом, характерным для старенького дома Дориана Харрингтона. Мы с Ноем уставились друг на друга.

В последний раз я видела его семнадцать дней назад. Семнадцать долгих дней, за которые моя жизнь перевернулась с ног на голову. Целую вечность назад Ной выглядел раздосадованным, но понимающим, и смотрел на меня такими доверчивыми голубыми глазами, будто верил в меня, верил в каждое мое слово. Сейчас я встретила с другим Ноем – с тем, кто боялся, что я никогда не вернусь.

Мы не шевелились, и он не отступил с порога, чтобы пригласить меня внутрь. Он даже не дышал и боялся моргнуть – *вдруг я шагну назад в дождь, бьющий прозрачными стрелами в землю, вдруг навсегда исчезну.*

Я выключила фонарик, опуская заледеневшую руку, и первая нарушила тишину:

– Ты ждал кого-то другого?

После того как я заговорила, Ной наконец вздохнул, и его напряженная грудь тяжело опала, а затем поднялась. Он несколько раз моргнул, затем пробормотал что-то исступленным голосом и дернулся в мою сторону, будто желая обнять. Но он не мог выйти из дома – ноги в неизменных тапках-собаках будто приросли к полу. Ной распахнул глаза, мысленно умоляя меня войти. Я приблизилась и попала в его

крепкие объятия. Домашняя одежда, состоящая из растянутой футболки и серых спортивных штанов, которые принадлежали Дориану, пахла Ноем: мятным мороженым, лимоном в меду, сахарной пудрой.

Мы тесно сжали друг друга в объятиях, пошатнулись. Скрипнули кости, натянулась кожа, из-под моих глаз выступили слезы.

– Наконец-то я увидел тебя, – шептал Ной, – наконец-то ты здесь!

Затем он отпустил меня, наклонился к полу и подхватил на руки серенький комочек. Я на секунду увидела расчерченную шрамами белую грудь, выглянувшую из-за пазухи футболки. Его одежда вымокла, но Ной этого даже не заметил.

– Познакомься! – Он показал серенького котенка размером с небольшой мячик. *Ной Эллис ни за что не завел бы себе котенка, ведь у него была аллергия.*

– Я назвал его Киса-Миса!

Ной прижал питомца к груди, и тот протестующе запищал, а я не знала, что сказать. Взгляд голубых глаз в обрамлении длинных ресниц был пытливым, жаждущим. Смутившись, Ной пробормотал, объясняя:

– Он... он ходил перед дверью совершенно незащищенный...

– Он тоже мертв?

– Конечно, нет! Киса-Миса жив, и я заманил его в дом большим окороком! – горячо возмутился Ной, нахмутив

светлые брови, а затем отцепил лапки любимца от футболки и поставил его на пол. Когда Ной выпрямился, я почти физически почувствовала, что он давит на меня своим высоким ростом. Его внезапная вспыльчивость разбила между нами тонкое невидимое стекло, и Ной это почувствовал и шагнул в сторону. – Проходи, пожалуйста. Я... приготовил немного еды. Твоей любимой.

Все вернулось на свои места: тот же самый Ной Харрингтон, знающий наперед мои желания, тот же домашний специфический запах, тот же испытующий взгляд.

– Принесу тебе одеяло! Или, может, дать тебе одежду? У меня есть пара чистых вещей.

– Все в порядке, спасибо.

Пока я стягивала грязные ботинки, Ной вернулся из гостиной с теплым, а главное сухим, пледом и накинул его на меня. Я пыталась делать вид, что не происходит ничего необычного, но внешне он так походил на Ноя Эллисса и смотрел тем же добродушным взглядом из прошлого, что я рисковала забыть, кто стоит передо мной.

– Я поставлю чайник, – сказал он робко и направился за лестницу, как-то странно взглянув на меня. Ной боялся, что я растворюсь в воздухе, будто призрак, поняла я, и с тревожно бьющимся сердцем сжала на груди одеяло и последовала за ним, стараясь не наступить на Кису-Мису, путающегося под ногами.

– О. Постой... – Ной обернулся и с перекошенным от

страха лицом затормозил у двери. В эту секунду я поняла, что было не так, и едва не выпустила одеяло. Я никогда не видела, чтобы Ной вел себя так осторожно со мной, почти что боязливо – будто я мыльный пузырь, который лопнет от любого прикосновения.

– Я... не думаю, что тебе стоит входить на кухню. Но если ты немного подождешь, то можно будет, – сбивчиво говорил он. – Я принесу тебе еды в... большую столовую. Если хочешь, можешь принять ванну наверху. Твоя комната, конечно же, свободна...

– Что не так с кухней?

Последовала длинная пауза, затем Ной нехотя ответил:

– Там гроб.

Я помолчала несколько секунд.

– Мой гроб теперь на кухне?

– Да.

– Зачем?

Опять наступила пауза, в течение которой взгляд Ноя переменялся – мой вопрос напомнил ему о чем-то важном. Черты лица заострились, когда он ответил, чеканя каждое слово:

– Потому что ты могла сойти с ума и по-настоящему умереть.

Я молчала, не возражая и не требуя объяснений, но ему было мало:

– Твоя душа не находит покоя, поэтому ты не покинула

бы землю, а осталась призраком.

Когда он замолчал, я выдержала три секунды и спокойно произнесла:

– Ладно.

Ной смущенно спросил:

– То есть ты не злишься?

– Я больше не злюсь, – подтвердила я. – Гроб... это ничего.

Я думала, мой ответ его обрадует, ведь это то, чего он хотел – чтобы я не боялась смерти, но он расстроился. Размышляя, он проследил взглядом за своим питомцем – тот с важным видом приблизился к моим ботинкам и стал обнюхивать шнурки.

– Знаешь, – Ной встрепнулся и попытался образумить меня, сложив ладони в молитвенном жесте, – думаю, нам все же стоит поужинать в большой столовой. И я мог бы приготовить тебе что-нибудь вкусного в дорогу. Дориан говорил, что тебе понравились печеньки с ромом.

– Я останусь.

– И еще могу... *Что?* – Ной перестал лепетать и сосредоточился на мне, так широко открыв глаза, будто слушал не только ушами, но и глазами.

– Я сказала, что никуда не уйду. – Я вздохнула, нервно сжимая в перемерзших пальцах одеяло. Ной ведь знает об этом. Он *должен* был об этом знать, просто хочет, чтобы я произнесла это вслух, дала ему возвыситься над собой. – Я

останусь здесь. Навсегда.

Едва я договорила, как Ной с облегчением набросился на меня и прижал к себе так крепко, что, если бы не толстое влажное изнутри одеяло, наши кости бы с грохотом столкнулись. *Так крепко, будто бы ничего он не знал.*

Изловчившись, я обняла Ноя в ответ и закрыла глаза. Он осторожно выпрямился, потянув меня за собой вверх, и мы спокойно в унисон вздохнули. Кончики пальцев знакомых рук пахли шоколадом и были шершавыми из-за муки. Это – реальность.

Обнимая Ноя, я вдруг подумала, что все, что было *до* этого момента – вымысел – мое чудовищное возрождение, пробудившаяся память, боль и страх. Встреча с Ноем Харрингтоном вернула все на свои места: и мой сердечный ритм, и мое спокойствие, и всю жизнь.

Когда он прижал меня теснее, я неуклюже похлопала его по напряженной спине:

– Ну все, прекрати.

– Я рад, что ты вернулась, Кая, – заключил он с нежной улыбкой и наклонился вперед, чтобы заглянуть в мое лицо. Когда он сжал мои щеки в теплых ладонях, между нами окончательно рухнула стеклянная стена, и он пообещал:

– Скоро ты почувствуешь себя лучше. Видения исчезнут, тебя не будут беспокоить галлюцинации. Все в прошлом. Ты в безопасности. *Ты в безопасности, Кая,* – шепнул он. Это был тот взгляд, по которому я скучала.

– Я передумала, обними меня еще раз, – попросила я, сглотнув. Его прикосновения все еще оставались привычными, и кожу приятно покалывало. Ной обнял на этот раз бережно и мягко. Провел руками по спине и затем поинтересовался:

– Теперь лучше?

Прижимаясь щекой к его груди, я шепнула:

– Теперь я знаю, кто я.

– О чем ты говоришь?

Хоть ладони Ноя и успокаивали, а в теле после прохладной встречи с Эттон-Крик разлилось тепло, мне все равно стало не по себе. Но я хотела взглянуть на его реакцию, хотела подтверждения, что он останется моим другом несмотря ни на что. Несмотря на то, что я его бросила.

– Ты знал обо мне? – Я подняла голову и посмотрела в его голубые глаза, в которых не было ни капли замешательства или непонимания. – Ты знал, что я дочь Дэйзи Келли и то самое чудовище, которое сотворил Криттонский Потрошитель?

– Нет, не знал, – ответил Ной. Я мгновенно пришла в себя и через секунду отстранилась, выпутываясь из объятий.

– Правда? – Когда он кивнул, на меня нахлынула вся мерзость, в которой я жила со вчерашнего дня, когда узнала, что я дочь Дэйзи Келли, и до теперешнего момента, когда Ной с вежливым спокойствием сунул руки в карманы мешковатых штанов.

Я хотела, чтобы он знал. Я верила, что он уже все знает, и мне не придется ничего объяснять, вдаваться в мерзкие подробности, переживать отвратительную историю заново. Я верила, что Ной в курсе всего на свете. Я верила, что, несмотря на *это*, он принял меня – маленького монстра Криттонского Потрошителя.

– И что? – невозмутимо спросил он. Наверное, на моем лице попеременно отразились эмоции, которые я испытала: растерянность, нервозность, страх. Его лицо было чистой маской, высеченной из мрамора.

Что он скрывает за маской? О чем думает, когда смотрит на меня? Он переосмысливает случившееся так же, как я, когда миссис Нэтваик осторожным голосом пересказала историю прошлого?

– Как ты мог не знать? – наконец спросила я. Это просто не укладывалось в голове. *Ной знает все*. Он ведь сама Смерть. Некоторые вещи он знал даже до того, как те происходили. *Как он мог не знать?* Мне стало страшно. Что еще он не знает? Он не знает, что мы с Кирой убили ее отца профессора Джеймис-Ллойда и спрятали труп? А вдруг знает? А что, если это Ной забрал труп из морга и спрятал его, чтобы нас не поймали?

Абсурд, полный бред. Ной не смог бы этого сделать, в похищении трупа замешан Криттонский Потрошитель или Известный. Но спросить об этом Ноя выше моих сил. Если он притворяется, что ничего не знает, пусть так и оста-

ется. Открыть рот и заговорить об этом значит вернуться в тот страшный вечер, который отнял частичку моей и так раздробленной души.

– На самом деле я не все знаю, – спокойно произнес он. – В чем дело? Какая теперь разница, знал я это или нет? Теперь ты здесь и все хорошо. Или ты боишься? Стесняешься? Это важно? – Он склонился, пытаясь заглянуть в мои глаза, но я отворачивалась. Тогда он заметил: – Ты не должна испытывать стыд, Кая, за то, кем был твой биологический отец. Ты ведь знаешь, кровь играет не такую важную роль, как воспитание. А ты получила отличное воспитание благодаря своим родителям.

– Как ты мог не знать? – эхом спросила я, все еще пораженная, и Ной выпрямился.

– Не могу понять, почему это тебя задело, – пробормотал он. Краем глаза я увидела, что он прислонился к столу рядом с часами с кукушкой и скрестил руки на груди. – На самом деле я мало чем интересуюсь, особенно в мире смертных. Я здесь лишь ради тебя и Дориана, и я забочусь лишь о ваших душах и телах, помогаю преодолеть собственные преграды, которые вы построили между миром живых и мертвых. Короче говоря, я пытаюсь взять вас за руку и отвести в иной мир, где вам уготован... покой. – Он замялся на последнем слове, и я вскинула голову. – Но вы с Дорианом сопротивляетесь...

– К чему ты ведешь?

– Я говорю о том, что ранее не интересовался... истоками твоей истории. Я знал лишь то, что было на виду.

Это теперь называется «на виду»?

– А сейчас я буду пристальнее за тобой следить. Хочешь, разузнаю все о твоих далеких предках? Возможно, они были итальянцами или немцами?

– Ты сейчас шутишь?

Он мягко рассмеялся.

– Вообще-то да, но это не значит, что я не могу этого сделать. – Его улыбка померкла, но взгляд остался таким же нежным и мягким. – Ничего страшного, Кая, что ты узнала все таким образом. Ничего.

– Я бы хотела узнать об этом иначе, – глухо пробормотала я. – Или вообще не хотела ничего знать. Может быть, так было бы спокойнее?

– Было бы, – согласился Ной. – Твои родители делали все для этого.

– Да, ведь мои настоящие бабушка и дедушка порекомендовали им выбросить меня в мусорный бак за углом. – Прозвучало так, будто мне было до этого дело: горько, мрачно, с затаенной обидой, поэтому Ной тут же обнял меня и опустил подбородок на мою макушку.

– Мне жаль.

Я ничего не ответила, вспомнив случайную встречу с миссис Келли в супермаркете. Она так испугалась, увидев меня, что у нее случился приступ. Она испугалась, потому что я

напомнила ей ее дочь. Призрака. *Я призрак.*

– Пожалуйста, прекрати, – пробормотал Ной таким голосом, будто ему было больно от моих мыслей. Как будто мои мысли, словно пчелы, летали вокруг его головы и жалили в щеки и шею. – Мы обнимаемся уже в третий раз за последние тридцать минут, а твое настроение не поднялось ни на градус.

Теперь я против воли рассмеялась, и Ной хмыкнул:

– Уже лучше. Может, стоит тебя поцеловать, чтобы ты успокоилась?

Я прекратила смеяться и не шевелилась, и Ной тоже застыл в неловкой позе. Пауза, повисшая между нами, длилась одну секунду, но она успела проиграть задумчивую и тревожную мелодию на моих нервах.

Наконец Ной прочистил горло и, неуклюже похлопав меня по спине, сказал:

– Ну, в качестве бонуса для поднятия настроения я могу предложить печенье с ромом. У меня целый ящик э-э... на кухне. Печенья я имел в виду. Подождешь?

Я кивнула и, когда Ной скрылся на кухне, шумно вздохнула и приложила ладонь ко лбу. Кожа была горячей, под пальцами чувствовалась возбужденная пульсация крови в правом виске. Точно так же я ощущала себя тем вечером в канун Хэллоуина, когда Ной поцеловал меня, сказав, что я *уже* знаю правду где-то в глубинах сознания. Тогда он добавил, что, возможно, я не захочу его видеть. И был прав. А теперь

нет. Я хочу его видеть. Хочу касаться его. Хочу целовать. Просто хочу.

Встряхнувшись, я поднялась в свою спальню и осмотрела шкаф. Отражение, мелькнувшее в зеркале, привлекло мое внимание, и я с удивлением отметила, что синяки, въевшиеся в кожу под глазами, стали светлее, я больше не была такой бледной. Обнаружив кое-какую одежду, я переоделась и почувствовала себя лучше. Больше не призрак.

Я вернулась вниз до того, как Ной спохватился и обнаружил мое исчезновение, и, осторожно ступая по деревянному скрипучему полу, заглянула в гостиную. Дориан спал на диване с какой-то книгой в руке. Приблизившись, я ухитрилась прочесть название: «Современная биохимия в жизни обычных людей».

– У него скоро свадьба. – Я обернулась, услышав позади себя голос. Ной держал в одной руке высокий стеклянный стакан с зеленым чаем, в другой – тарелку с печеньем и при этом даже не смотрел под ноги, поднимаясь по лестнице и ступая на ковер. Я непонимающе переспросила:

– У кого свадьба?

– У Дориана.

Я перевела взгляд на спящего мужчину, не подозревавшего, что творится вокруг него в этот момент, и неуверенно сказала:

– Мне казалось, они с Альмой расстались?

Ной в ответ неопределенно повел плечом.

– Пока что да.

Я уловила в этом движении знакомую легкомысленность и заподозрила неладное.

– Так он знает о своей свадьбе или нет?

– Пока что нет, – Ной заговорщицки улыбнулся, будто мы два героя шпионского романа. И как бы скверно это ни было, то, что замыслил Ной, меня нисколько не смутило. Напротив: я почувствовала себя как дома. *Наконец-то я дома.*

* * *

Когда Дориан проснулся и долго вразвалочку шел по направлению к кухне, при этом постанывая, будто раненое животное, Ной шепнул:

– Вот он удивится!

Дориан действительно удивился, когда шагнул на порог. Замер и зажмурился, чтобы убедиться, что зрение его не обманывает.

– Кая, это ты?

– А я ведь говорил, что она вернется! – самодовольно ответил Ной. – Говорил, а ты не верил. Все твердил: «Крэйг, Крэйг», будто это он ее семья, а не мы.

Я медленно повернулась в сторону Ноя и внимательно посмотрела на него, и он сию секунду замолчал, но не потому, что испугался моего взгляда, а потому, подозреваю, что не хотел вновь поднимать тему «Мара=Ной». Когда он напом-

нил мне об этом, я все же решила вернуться к теме, но чуть позже.

Я обернулась к Дориану, мягко улыбнувшись:

– Конечно, это я, кто же еще?

Получив подтверждение, он очень тяжело вздохнул, едва заметно всплеснув длинными руками с вздувшимися дорожками вен, которые выглядывали из-под рубашки с закатанными рукавами, и плюхнулся на табурет. Покачал головой, глядя себе в колени, и задумчиво произнес:

– Я не думал, что ты вернешься.

– Что за бред? – мигом вмешался Ной. – Конечно, она вернулась бы, ведь...

– Я видел, насколько ты несчастна.

Тут повисло молчание: видимо, Ной в этом вопросе был солидарен с хозяином дома.

– Я не была несчастна, – обескураженно ответила я, – просто пыталась разобраться.

– И разобралась? – Дориан резко вскинул голову и всмотрелся в мои глаза. Будто ответ на этот вопрос что-то решит для него. Я присмотрелась к нему повнимательнее и заметила сутулые плечи, обтянутые выцветшей рубашкой, щетину, всклокоченные, немытые волосы. Совсем не похоже на Дориана – быть таким неуверенным, потерянным, пессимистичным. Он казался сломленным.

– Еще нет. Мне нужна помощь.

Дориан в ответ хрипло рассмеялся, и его плечи мелко за-

тряслись. Он отвернулся от меня, поэтому я посмотрела на Ноя, подняв брови. Тот склонился ко мне и грудным голосом объяснил:

– Дориан все еще не протрезвел, не обращай внимания.

– А я все слышу.

– И? – осведомился Ной, выпрямляясь. Киса-Миса соскочил с его коленей и отправился в гостиную, медленно перебирая лапками. – Прими душ и спускайся, пьяница. Я приготовил супербульон от похмелья.

– Супербульон. – Дориан опять рассмеялся, но скатился со стула и неспешно двинулся вон из кухни. Я опять посмотрела на Ноя.

– Что это значит?

Он отвел взгляд от моего гроба, стоявшего у дальней стены там, где ранее находился диван. Перед тем, как я вошла на кухню, Ной накрыл гроб скатертью с изображением груш и яблок.

– Дориан запил. В последнее время он чуток не в себе. Но это его проблемы, Кая, не лезь.

Я заломила брови, и Ной зеркально повторил это движение. Противостояние между нами было неравноправным, ведь Ной – это покрытый льдом камень, а я – холодный огонь, запертый в клетке.

– Я сказал тебе не лезть, потому что уже все кончено. Цель заключалась в Альме, и он это понял.

Я вспомнила наш с Дорианом недавний разговор в архи-

ве, который, казалось, произошел сотни лет назад. Он показал мне фотографию с выпускного и сказал, что Ной отнял часть наших воспоминаний как залог возвращения из мира мертвых.

– Так значит, все-таки Альма его цель? – спросила я. – Что значит «все кончено»? О чем ты говоришь?

– Дориан отправится дальше. Здесь его пребывание подошло к концу.

– А мое?

Ной вновь промолчал, потому что ответ был и так известен: пока я не спасу Леду Стивенсон от самоубийства, то буду скитаться по земле телесным призраком. И Эттон-Крик не отпустит меня. Здесь все началось много лет назад, здесь все и закончится.

Дориан вернулся спустя пятнадцать минут, и все это время мы с Ноем молчали, думая каждый о своем. Он смотрел на гроб, а я в окно. Вместе нам было уютно как раньше, не было необходимости о чем-либо говорить. Мы остановились, чтобы отдышаться. У меня возникло чувство, что после ухода из особняка Харрингтонов я не бежала вперед, а оставалась на месте.

– Ты зачем здесь, Кая?

Ной тут же оценил Дориана испепеляющим взглядом, будто он задал самый глупый на свете вопрос. Но я знала, что Ной на самом деле боится, что такие вопросы заставят меня еще раз обо всем подумать. *Передумать*. Я невозмутимо от-

ветила:

– Доктор Арнетт сказал, что ты болен, поэтому я решила тебя проведать.

– Правда?

– Нет.

Дориан нахмурился и неодобрительно поджал губы.

– Очень смешно.

– Я действительно искала тебя, если интересно, – продолжила я. – Нам нужно поговорить.

– А можно перенести этот чрезвычайно важный разговор на завтра? – саркастично спросил он, многозначительно посмотрев на настенные часы. – Поздновато, или, точнее, рановато для важного разговора. Три утра. – Я продолжала молча взирать на него, сидя в той же позе, что и прежде: локти на столе, спина прямая, ноги на ширине плеч. Дориан вздохнул. – Не поздно? Ладно. – Он сдался. Приблизившись к столу, плюхнулся на свое прежнее место и скомандовал фальшиво-позитивным голосом, чтобы Ной подавал супер-бульон.

Тот вскочил, обрадовавшись, что может заняться любимым делом, и, напоследок спросив, приготовить ли мне чай или кофе, стал суетиться у плиты.

Я начала свой рассказ издавека, стараясь не выдавать голосом тех эмоций, которые испытывала, когда *это* происходило *со мной*. Я рассказала Дориану о маме и Дэйзи Келли, о том, кто на самом деле мой биологический отец, о том, что

сделали мои *настоящие* родители, чтобы защитить меня.

В какой-то момент Дориан перестал хлебать суп, а Ной забыл о конфетах, которые грыз до этого. К концу пересказа часы показывали **04:47**.

Несколько минут я молчала, но не для того, чтобы гнетущая обстановка на кухне стала еще хуже, а чтобы Дориан перестал таращиться на меня. Справа от меня Ной, сидя на кухонной тумбе, возобновил излюбленную деятельность, принявшись грызть какие-то зачерствевшие сухари, которые некоторое время назад нашел в буфете: «Грех выкидывать!»

– Все, что я рассказала, это правда, Дориан, – повторила я в третий раз, мысленно приказывая ему перестать таращиться так, будто у меня течет из носа или глаза превратились в лазеры; будто я – больше не я; *напоминая о том, кто я теперь*.

Он прикусил нижнюю губу, явно сдерживаясь, чтобы не сболтнуть чего-нибудь эдакого, затем издал странный звук – то ли вздохнул, то ли хмыкнул, и затем беспомощно глянул на Ноя в поисках поддержки. Потом сдался и, откинувшись на спинку стула, сказал:

– Теперь все встало на свои места. Вот почему твоя мать так странно вела себя все эти годы, вот почему настаивала на поимке Криттонского Потрошителя. – Дориан посмотрел на меня глазами, полными ужаса и понимания. – Она боялась, что он доберется до тебя. Вот почему она оставила то странное послание с просьбой покинуть страну – Маргарет знала,

что он близко. – На секунду мне показалось, будто вокруг нас с Дорианом никого нет, только я и он, читающий в моих глазах ответы. Вдруг он оборвал: – Нет. Ты думаешь, что он был не просто близко, ты думаешь, что он узнал о тебе. Ты думаешь, что Потрошитель последовал за Маргарет и нашел тебя.

Внезапно Ной хрустнул конфетой, нарушив страшное, трагичное молчание, и соскользнул с тумбочки, пожаловавшись:

– Кажется, я сломал зуб. Поставлю чайник. Кто-нибудь хочет кофе? Кая?

Он назвал мое имя таким мягким и многозначительным тоном, что в нем без труда улавливалось предупреждение: «Прекрати, ворошить прошлое. Замолчи и оставь Дориана в покое. Вместо пустой болтовни выпей чаю и отправляйся в свою комнату».

– Нет, большое спасибо, – бесстрастно сказала я, подавив горечь, и обернулась к Дориану, за спиной которого темнел проход в гостиную. – Ты угадал, все именно так. Но я не могу додумать абсолютно все. Например, почему все-таки мама не сказала о своих подозрениях? Почему даже в письме утаила об истинной причине моего предполагаемого отъезда?

– Может, потому, что тогда пришлось бы рассказывать всю историю о Дэйзи Келли?

– Она боялась, верно, и я это понимаю, но она могла сохранить свою жизнь.

– Кая, – Дориан наклонился вперед, опуская руки на стол и касаясь моей ладони своей – теплой, знакомой, родной. – Не отвлекайся. Продолжай цепочку.

Он вновь принял прежнюю позу, и я, кивнув, закончила:

– Мама опасалась за мою жизнь не зря. В тот день, когда я оказалась в Эттон-Крик, – я бросила на Ноя взгляд, но он был слишком занят тем, что пытался выловить из банки с вареньем кусок сухаря, – Криттонский Потрошитель нашел маму и... ты знаешь. Я считаю, что он заранее выяснил о ней всю информацию. Помнишь тот пожар в больнице? – Дориан хмуро кивнул. – Когда данные начали восстанавливать, он нашел документы и узнал о маме. Он обо всем узнал, потому что работает здесь.

– Где – здесь?

– В больнице.

– Чай. – Ной поставил передо мной чашку с чаем, а перед Дорианом – кофе. Дориан вздрогнул из-за внезапного движения рядом, и я покосилась на Ноя, а он в ответ лишь скорчил рожу и присел на косой табурет, грохнув по столешнице банкой с вареньем. Пакет с зачерствевшими сухарями с шелестом лег тут же.

– А что? – спросил Ной, отвечая на наш с Дорианом незадаанный вопрос. – Вот эти сухари... Когда я кусаю их, то чувствую, из какого теста и как они были приготовлены...

– Впечатляет, – перебила я. – Ты позволишь нам закончить? Про сухари мы можем побеседовать после.

– О, еще не пора? – саркастично осведомился Ной. Многозначительный блеск в его глазах мне совсем не понравился, но я повернулась к Дориану, уже принявшемуся за свой напиток.

– Итак, я считаю, что Криттонский Потрошитель нашел маму. И он нашел меня. Он знает, кто я и где я. И с кем.

– И почему ты все еще здесь? Почему он все еще не убил тебя? Почему, в конце концов, он все еще не связался с тобой? – Дориан задал именно те вопросы, которые я ждала. К сожалению, у меня не было вразумительных ответов – одни предположения.

– Я не могу проникнуть в мозг серийного убийцы даже несмотря на то, что он мой биологический отец. – Дориан поморщился при словосочетании «биологический отец», и от его реакции у меня закололо в груди. Один лишь Ной был поглощен очередным куском сухаря, провалившимся в банку. Он тихо чертыхнулся, дотянулся до ящика стола кончиками пальцев и, не отрывая зад от табурета, с кряхтением достал вилку, а затем принялся выковыривать из варенья куски засохших хлебцев. Во все стороны полетели липкие крошки.

– Думаю, Криттонский Потрошитель играет со мной. Он изучает меня, чтобы... не знаю. Сделать из меня подходящую замену?.. Мне казалось, что Потрошитель и Известный сотрудничают, однако не думаю, что это так.

– Что, если Потрошитель и Известный – один и тот же человек?

– Аспен разве не говорил тебе, что Неизвестный – женщина? Это Лаура Дюваль, и сейчас она заперта в тюрьме.

– Но послушай, – Дориан выглядел так, будто его осенило или он боялся, что особенно важная мысль сейчас бесследно ускользнет. Опять склонившись вперед, он тихо, но внушительно заговорил: – Что, если на самом деле это Лаура Дюваль тебя искала? Она встречалась с твоей матерью незадолго до пожара.

– Зачем ей это? В этом нет никакого смысла.

– Ни в чем нет смысла, – не уступал Дориан. – Я неправильно выразился, когда сказал, что Неизвестный и Криттонский Потрошитель – один и тот же человек. Что, если Криттонского Потрошителя *вообще* нет? Вдруг он ушел со сцены?

– Нет, Дориан...

Мое сердце вздрогнуло, а Дориан продолжал напирать с выводами:

– Но послушай, Кая, что, если это Лаура Дюваль разбирала архивы и нашла ту медкарту? Вдруг твоя история каким-то образом всколыхнула в ней все скрытые переживания?

– Для чего я ей нужна, Дориан? Зачем нужно было убивать детектива Гаррисона?

– Потому что он узнал о ней. Он вычислил ее, и она испугалась. Подумай, – попросил он, – Аспен ни разу не видел Криттонского Потрошителя, ни разу. Была лишь она – Неиз-

вестная, Ангел Смерти, Лаура Дюваль.

Детектив Дин тоже хотел побеседовать с ней о моей маме.

Я вскочила на ноги и отошла от стола, прижав обе ладони к уставшим глазам. На несколько секунд на кухне повисла гнетущая, гадкая тишина, затем я со вздохом опустила руки и уставилась на Дориана. Он был удивлен, а Ной с отсутствующим выражением посасывал сухарь, напитанный вареньем.

– Что ты пытаешься сказать, Дориан? Ты считаешь, что, когда случился пожар, Лаура Дюваль нашла записи, сложила два и два и догадалась, что я – дочь Криттонского Потрошителя? У нее случился нервный срыв, и она решила меня «спасти»? Нет, здесь ничего не сходится.

– Ты на взводе.

– Конечно, я на взводе, ведь ты пытаешься сказать мне, что убийцы моей мамы не существует!

– Я такого не говорил.

– Хорошо. – С трепещущим в груди сердцем я сжала и разжала кулаки, расслабляя мышцы. – Я тебя выслушала. Теперь и ты выслушай меня. Не важно, как странно это будет звучать, просто дослушай до конца. – Они с Ноем кивнули. – Двадцать лет назад он похитил Дэйзи Келли, потому что испытывал к ней болезненные чувства и хотел завести семью. Дэйзи забеременела, каким-то образом сбежала и наткнулась на любознательную Маргарет Айрленд, которая отвезла ее в полицейский участок. Той ночью Дэйзи никто не

поверил, потому что она была чокнутой, ведь ее на протяжении многих лет терроризировал Криттонский Потрошитель, посылая сердца жертв. Дэйзи не раз сбегала из дома, и в очередной раз, когда она исчезла, никто, кроме ее родителей, не стал бить тревогу. Потому что она была пропащая девчонка. Когда Дейзи вернулась беременная, никто не стал слушать ее лепет. Мама отвезла ее в больницу, но Дэйзи не захотела оставаться, потому что знала, что в той больнице работает Потрошитель, а раз так, то он доберется в два счета и до нее, и до младенца. Поэтому мама спрятала Дэйзи. Мама спрятала *меня*. Когда случился пожар и архив стали восстанавливать, он нашел записи и отправился к Маргарет Айрленд, чтобы забрать ребенка. То есть меня. Но так как я уже была в Эттон-Крик, он пришел в ярость, совершил поджог и... – тут я замолчала, потому что на этих словах моя история обрывалась. Я неуверенно повела плечом. – Возможно, пока что он не предпринимал никаких решительных действий потому, что ему интересно понаблюдать перед охотой, кто знает...

Я не хотела добавлять что-то вроде «он здесь, я его чувствую», потому что Дориан решил бы, что я не совсем в своем уме. Поэтому я со вздохом вернулась за стол, одернув на спине, где уже выступил от возбуждения пот, поношенную футболку с эмблемой военной школы.

Помедлив, я нехотя произнесла:

– Когда я узнала о том, что я... – Мужчины посмотрели на

меня с одинаковым выражением на бледных лицах. – Целые сутки думала, что я – Неизвестная... Ведь... если присмотреться, я похожа на нее, похожа на его дочь. На *идеальную* подозреваемую. Целые сутки...

Ной и Дориан молча продолжали смотреть.

– У меня ведь действительно что-то есть. Здесь и здесь. – Я указала сперва на сердце, а затем на голову. – Или, наоборот, во мне чего-то не хватает. Когда детектив Дин сказал, что это Лаура Дюваль, с моей души свалился камень. А я даже не подозревала, что он там был.

Как же мне хотелось произнести вслух все те отвратительные, мерзкие вещи! Рассказать о том, что я сделала много лет назад с мертвым телом Стивена Роджерса, о том, что я спрятала профессора Джеймис-Ллойда в холодильной камере, и как мне было страшно...

Хотелось признаться им обоим, что мне было страшно от того, что я не испытала ни сожаления, ни сочувствия. Хотелось признаться, что когда я не думала о тех убитых *людях*, то все было хорошо, а когда думала, в голове проскальзывали гнилые, червивые, как переспевшие вишни, мысли: «*Они это заслужили*».

В этот момент я не хотела смотреть на Дориана и Ноя, потому что чувствовала: первый не знает, что сказать, а второй – напротив. Ной все знает, он уже придумал все ответы, все просьбы и *приказы*, и молчит, дожидаясь, когда мы останемся наедине.

Когда молчание затянулось и я поняла, что нужно, наконец, завершить этот ранний завтрак в кругу семьи, то подняла голову и, сделав глоток едва теплого чая с привкусом меда, поставила точку:

– Я отыщу его.

Дориан и Ной, не сговариваясь, косо посмотрели друг на друга.

– К счастью, пока что Леде Стивенсон и Кире не грозит опасность, ведь Лаура Дюваль находится за решеткой.

– Она и тебя преследовала, – услужливо напомнил Ной, и когда я бросила на него взгляд, оказалось, что он занят необходимостью избавиться от крошек за пазухой и ни на кого не смотрит.

– Итак, – сказал Дориан. – Что мы имеем? Два серийных убийцы в Эттон-Крик. Криттонский Потрошитель напал на детектива Гаррисона, потому что тот стал под него копать? Второй преступник – женщина. Это Лаура Дюваль. Она убила Кингов, Смиттов, Скалларк. И ты считаешь, что она пыталась подставить тебя? – Когда я кивнула, Дориан продолжил: – Зачем ей пытаться подставить тебя?

– Потому что она меня ненавидит – вот почему. Она думает, что я преследую Леду. – Я неуверенно тряхнула головой. – На самом деле я не знаю, зачем она так поступила. Чтобы это выяснить, я должна с ней поговорить.

– Ты *что*? – Ной резко вскинул голову. – Я ослышался?

– Я сказала, что пока Лаура Дюваль находится в камере

предварительного заключения, я должна с ней встретиться и обо всем расспросить. Я хочу знать, зачем она встречалась с мамой. В этот раз я заставлю ее ответить на мои вопросы. Вдруг ты прав, – я посмотрела на Дориана, – и между Лаурой и Потрошителем существует связь. Маловероятно, что она будет защищать человека, который превратил ее жизнь в ад, ведь он убил ее сестру.

– Кая...

– Ной, – я подкрепила серьезный тон голоса взглядом, – у меня есть вопросы, ответы на которые знает лишь Лаура. Зачем она набросилась на меня в лесу, после того, как убила Згардоли? Знала ли она о том, кто мой биологический отец, или все дело в нападении на меня на парковке? Почему она лишь ранила меня ножом в том переулке, но не убила? Почему Сьюзен? В конце концов, для чего она оставила тело Скалларк в подвале Тайной квартиры и для чего встречалась с моей мамой? Короче говоря, у меня куча вопросов.

– Ладно, я понял. И все же, думаю, тебе стоит сосредоточиться на Леде Стивенсон.

Леда Стивенсон.

Это имя бьет по нервным окончаниям сильным разрядом тока и заставляет все тело вздрагивать в предчувствии болезненной смерти, которая следует за ее самоубийством.

– Еще я хочу спросить у Лауры о том парне из дневников Дэйзи Келли. Он был ее соседом, и его имя начинается на букву «Д» – это все, что нам известно. Да, надежды мало,

ну и что? – Я торопилась предупредить возражения. – Олива и Дэйзи были в клетке. Вдруг они знали друг друга?

– Звучит... – начал Дориан, поморщившись, и Ной за него закончил:

– Как суший бред.

Я изогнула бровь и посмотрела на Дориана:

– Я подумала, что ты мог бы... – Я замолчала, увидев краем глаза, как нахмурился Ной: «Оставь его в покое, Кая, у него есть свои заботы, свои дела, своя собственная *цель*».

Дориан обреченно прикрыл веки и вздохнул:

– Знаешь, между тобой и Аспеном очень много общего. Ты намекаешь на то, что я должен отправиться в район Набережной и опрашивать соседей Келли в поисках неизвестного парня, имя которого начинается на «д»? – Когда я кивнула, обреченный взгляд Дориана стал острым как бритва, а угрюмый голос резанул по ушам: – Кая, этим делом занимался мой отец. Я. Твоя мать. Мы опросили всех соседей – тех немногих, кто сотрудничал, – уточнил он. – *Никого никогда не было.* Будь он типичным подозреваемым, отец давно арестовал бы его!

С моих губ едва не сорвались жесткие слова: «Тебе сложно поднять документы и просмотреть имена подозреваемых и всех опрошенных?!», но я вовремя наткнулась на предупреждающий взгляд Ноя: «Его пребывание на земле подходит к концу. Дориан отправится дальше». Мне стало стыдно, а затем я, прочистив горло, перебила сама себя:

– Нет, Дориан. – Он неправильно истолковал мои слова, и его брови сошлись на переносице. *Если это его последние минуты, разве я могу отнять их?* – Я имела в виду, что сама просмотрю все файлы, которые собрали вы с отцом. И пойду на Набережную, чтобы переговорить с родителями Дэйзи Келли.

Он не верил, что у меня что-то получится. Что касается беседы с родителями Дэйзи – я тоже. Но правда в том, что я не одна. У меня есть документы его отца и моей мамы, у меня есть Дориан и детектив Дин, и вместе мы справимся. Двадцать лет назад была лишь Дэйзи Келли, одна-одинешенька, которая не знала, кому можно доверять.

– Как тебе угодно, – мрачно сказал Дориан, не отводя от меня испытующего взгляда. – Я стараюсь не появляться в том проклятом районе.

Хотелось сказать «я тоже», ведь очевидно, что мать Дэйзи Келли скорее с большим удовольствием изрешетит меня из дробовика, чем ответит на вопросы, кто именно был лучшим другом ее дочери.

Размышляя над этим, я никак не могла выбросить из головы мысль, что, если бы кто-нибудь вовремя выслушал Дэйзи Келли, если бы кто-то поверил ей, ничего бы не случилось. Если бы отец Дориана не совершил в тот дождливый день роковую ошибку, если бы он не отмахнулся от показаний «накачанной наркотиками беременной», история завершилась бы хорошо. Криттонского Потрошителя поймали бы

на следующий день. Но никто не копал глубоко, а когда взялись за дело вновь, было уже непростительно поздно.

Всему свое время, – так всегда говорит Ной.

Я посмотрела на Дориана, уставшего, угрюмого, мертвенно-бледного, с тяжелыми веками и глазами, налитыми кровью. Всего пару недель назад этот человек выглядел на тридцать, а сейчас передо мной сидит развалина на десять лет старше.

– Дориан, я сама отыщу его, – заверила я. *Только займись своими делами, ведь Ной прав: всему свое время. И твое скоро подойдет к концу.* – Я знаю, что для тебя найти Криттонского Потрошителя так же важно, как и для меня. Я не успокоюсь.

– Не то слово, – язвительно пробормотал Ной.

Я не успокоюсь, Дориан. Я не хочу, чтобы ты думал, что я такое же чудовище, как и Потрошитель, но, по правде говоря, я не собираюсь искать против него улики, у меня нет цели засадить его за решетку. Когда я узнаю имя монстра, я возьму нож. Или, может, пистолет отца. И подойду к двери. И я буду последним гостем в его доме. И я вырву его сердце тем же способом, которым он вырывал сердца своих жертв.

* * *

Рассвело как-то неожиданно. Зябкий туман окутал стены особняка на улице Красные Розы. Мы трое все еще сиде-

ли полукругом за деревянным столом с двумя опустевшими кружками, банкой вишневого варенья и пакетом сухарей.

Хозяин дома каждые пять-семь минут засыпал и кивал головой, подпирая щеку кулаком. Когда его голова перевесилась и он ударился затылком о стену позади себя, он не выдержал.

– Я сдаюсь первым, у меня уже путаются мысли. Договорим позже?

Я кивнула, испытывая грусть. Только что Дориан пересказал мне пару историй, услышанных от моей мамы. Мне было больно слышать о ней от него, *от кого-либо еще*. Но вместе с тем, что мое сердце тревожно сжималось, истории Дориана были теплыми и живыми. Он говорил о моих родителях так, словно хорошо их знал.

Я же, оказывается, ничего не знала о них.

Еще Дориан рассказал нам с Ноем неприятную и странную историю об их с Аспеном знакомстве и первом разговоре в психлечебнице; бесстрастно поведал о том, что частенько замечал, как они с Альмой похожи, но не спешил никому из них признаваться, что он знаком с обоими, потому что считал, что признание все *испортит*. Думаю, он был прав, и Альма сочла бы происходящее предательством. Аспену, думаю, было плевать.

Когда Дориан, пошатываясь, вышел из кухни, оставив дверь открытой, я посмотрела в окно на сад. Рассветные сумерки скрыли кусты и деревья, превратив их очертания

в горбатых чудищ. Я почувствовала, что дрожу от холода, только тогда, когда на мои плечи опустился шерстяной плед и за спиной тихо прошуршал голос Ноя:

– Если бы я знал, что ты останешься здесь, я бы растопил камин.

Ной поставил стул справа от меня, чтобы мы сидели по одну сторону стола, и наши колени случайно стукнулись друг о друга. Я перевела взгляд на гроб под грушевой скатертью. Мое тело лежит прямо там, у стены, где ядовитой змеей скользит осенняя сырость. Мне поэтому холодно? А если сделать больно моему телу, я тоже почувствую боль?

– Все хорошо? – Мягкий голос Ноя проник в мое сознание, и я обернулась. – Может, тебе стоит поспать?

– Нет.

Я не хочу спать. Не хочу тратить время на сон.

Ной никак не прокомментировал мой резкий отказ, лишь заботливо предложил еще чаю. Когда я отказалась, он поинтересовался, голодна ли я, и я вновь ответила «нет». Если бы он спросил, что сейчас чувствую, я бы не смогла ответить на этот вопрос. Потому что кто-то в моей голове нажал на волшебную кнопку и выключил мысли. Я смотрела на гроб, понимая, что любыми способами хочу задержать Ноя рядом с собой, но не понимала лишь одного: хочу ли я просто поговорить о чем-нибудь или задать страшные вопросы?

Пока я судорожно размышляла об этом, Ной бережно взял мою ладонь, лежащую на столе между нами, и сжал вялые

пальцы с короткими ногтями. Когда я посмотрела на него, он грудным голосом, так тихо, что пришлось напрячь слух, сказал:

– Я знаю, что ты чувствуешь, Кая. Ты боишься, ведь у тебя никого не осталось. И еще ты начинаешь подвергать сомнению всю свою жизнь.

Я хочу уйти. Я просто хочу подняться и уйти. *Но я не ухажу, не сбегаяю, а продолжаю смело смотреть Смерти в глаза, позволяю Ною читать меня.*

– Пока что ты не чувствуешь себя спокойно, Кая, и в голове очень много мыслей, – продолжил он и затем коснулся моей щеки. Большой палец оказался у уха, а остальные скользнули на шею. – Скоро все закончится и станет прежним. А пока не думай, хорошо? Можно задать вопрос?

Я кивнула, и Ной наклонился вперед. Я осознала, что даже если он снова начнет молоть чушь, я не обращаю внимания. Пусть просто говорит – что угодно. Я и боюсь его слов, и жажду их. Он всегда был безжалостен в беседах, неуловимо напоминал мне моего отца. Слова Ноя резали плоть и достигали нутра, но моя жизнь была тяжелой, а теперь стала еще и лживой. Я хочу правды.

– Там, в Тайной квартире, что именно ты видела? – шепнул он, и я ошеломленно сморгнула. – Я имел в виду, что... Когда ты была вдали от своего тела, тебя мучили видения, галлюцинации и кошмары. – В этот раз он не спрашивал, а утверждал, и я вновь кивнула, вспомнив тело Скалларк в ар-

хиве, вспомнив участвовавшие приступы и ощущение, будто Незвестный стоит у моей двери, дышит мне в спину. – Что ты видела, Кая?

Первая попытка объясниться вышла скомканной, но Ной терпеливо ждал, и я, наконец собравшись с силами, сказала.

– Много чего. Скалларк. Она мерещилась мне повсюду. Незвестный за моей спиной. Гроб. – Ной болезненно нахмурился, а уголки его губ виновато опустились, хотя я знала, что он ни в чем не виноват. Ной прикрыл веки, наверное, чтобы я не читала его так, как читает он меня – по глазам, – и я спокойнее продолжила: – Почти всегда я просыпалась в гробу. Пахло сырой землей и червями. Мне на лицо сыпалась пыль, и все руки были в царапинах, потому что я колотила по доскам, пытаясь выбраться. То есть я думала, что пыталась выбраться, а на самом деле... я пряталась. И почти всегда мне снился ты. – Мне хотелось скрыть эти ощущения, никому не рассказывать о них, ведь это *личное*. Но они касались Ноя. – Там всегда был ты: сначала только твой голос доносился сквозь грязные доски. Я умоляла тебя помочь, кричала и ругалась, но ты лишь ответил, что я сама себя заперла, а значит, должна сама выбраться.

– Я был жесток к тебе? – Что-то в лице Ноя, в его *глазах-льдинках*, заставило меня быть сильнее и смелее, чем я есть – ради его спокойствия.

– Это был не ты, – ответила я.

Мы не отрывались друг от друга, и поэтому от моего

взгляда не укрылось то, как Ной вздрогнул будто от отвращения.

– Твой внутренний голос звучал моим голосом. Должно быть, это было кошмарно. Слава богу, ты выбралась. Ты такая смелая, Кая Айрленд.

– Я решила, что не имею права прятаться от судьбы, не имею права оттягивать неизбежную смерть и жалеть себя. Я подумала, что не так уж важно, что мои желания никогда не исполнятся. Я получила достаточно. Времени было достаточно.

А у моих родителей, Джорджи, Ноя, Элисса... не было даже этого.

Ной наклонился, сжал мои ладони в своих, и я почувствовала, как вскипают слезы. От обиды, горечи и той самой проклятой жалости к себе. Ной переплел наши пальцы, будто чувствовал все то же, что и я. Что времени больше не осталось, что список желаний составлен зря, что мне жаль тратить время на поимку Потрошителя. Мне жаль. Но без всего этого меня больше нет.

– Ты сильная, это правда, – произнес Ной, – этим ты отличаешься от него. Ты всю жизнь пытаешься побороть свои страхи, победить своих демонов, поступить не так, как легко, а как правильно. Потому что ты знаешь, что правильно и легко не всегда одно и то же. Он принял своих демонов, подкармливал их новыми и новыми жертвами. Ты уходишь от боли, Кая, а он стоит и наблюдает. Ты на него абсолютно

не похожа, не бойся.

Ной всмотрелся в мои глаза, горящие от физической боли. *Если хочешь – плачь*, – читалось в его взгляде. Чувствуя, что сердце болезненно бьется, ведь впервые за многие, многие дни я могу с кем-то *по-настоящему* поговорить, я про изнесла:

– Я часто боюсь, что меня одолеют эти мысли. Я боюсь, что вдруг проснусь, а сомнения станут сильнее здравого смысла. – Я неловко отодвинулась и зачем-то схватила свою кружку, хотя чай давным-давно закончился. Вот бы и слова закончились, но они продолжали царапать горло, как наждачная бумага, легкие, словно были зажаты в тиски.

– Вспоминая сейчас свою жизнь, я не могу не обращать внимания на всякие мелочи, которые окружали меня с самого детства. Отец воспитывал меня как солдата. Даже когда я вернулась развалиной из больницы, уже тем летом он швырнул меня за шкуру в военную школу. Мне пришлось вытерпеть такую адскую боль, что мозг заблокировал часть воспоминаний... – Слова продолжали литься бесконтрольным потоком, и в глазах опять защипало. – Каждый божий день мне приходилось начинать утро с пробежки, ходить в спортзал, ездить на полигон и многое другое, потому что отец знал: мне нужны жесткий контроль и выдержка. Он учил меня преодолевать боль и страх и злился, когда я стала врачом...

– Кая, – оборвал Ной, – прекрати это. Твой отец никогда в жизни на тебя не злился. Ты была причиной его гордости

и сама прекрасно это понимаешь. Сейчас свои страхи ты переносишь на него. Не надо. Да, твой отец боялся, как и все отцы, ведь он любил тебя. Ради тебя, – еще мягче продолжил Ной, – твои родители были готовы на все, абсолютно на все. Так что вспомни другие вещи, Кая. Вспомни другие слова, вспомни, как он сказал, что будет тобой гордиться, несмотря ни на что. Он так воспитывал тебя потому, что хотел, чтобы ты была похожа на него – этого хотят все родители. – Ной заглянул мне в лицо. – Ничего страшного, что ты сомневалась, ведь ты всего лишь человек. Людям свойственно бояться. Важно не дать страху победить себя. Помни и другие мелочи, помни все хорошее.

Голос Ноя в один миг затих, и я оказалась в другом месте, рядом с мамой, папой и Джорджи. Папа остался дома на весенние праздники, и мы устроили в саду пикник.

– Кая. – Когда стемнело, Джорджи, как и ожидалось, потащила меня в сторону небольшой палатки. – Ты должна быть со мной. Одна я не смогу спать, там же жуки, и червяки, и огромные тараканы...

Она растянула слово «огромные» и развела ручонки в стороны, чтобы показать чудовищных созданий, живущих в саду. Я терпеливо пыталась убедить ее в том, что в палатке нет никаких жуков и тараканов, но Джорджи повисла на мне и, упираясь пятками в ковер, потащила в сторону распахнутой входной двери. Снаружи слышались стрекот кузнечиков и уханье совы.

За спиной звучал разговор родителей:

– Я же говорил, Мэгги, нам не стоит переживать, Кая всех тараканов одним только взглядом испепелит.

– Из-за тебя у нее не будет свиданий с мальчиками.

– Свою дочь я воспитываю правильно, так-то!

Воспоминание рассеялось, и в поле зрения возникло улыбчивое лицо Ноя Харрингтона. Он сиял, будто солнышко, разгоняя мрак серого слякотного утра. К влажному стеклу прилип ярко-красный листочек и тут же сорвался, подхваченный порывами ветра.

– Тебе лучше? – Ной наклонился в сторону, чтобы привлечь к себе внимание. Когда я кивнула, он хмыкнул: – Видимо, не зря я добавил в твой чай немножко рома.

– Ничего ты не добавлял, – возразила я, но он лишь отмахнулся, затем, вскочив, обошел кухонную стойку и приблизился к плите, нарочно грохоча чайником. Я отметила, когда Ной поднимался, что дырка на его штанине на колене стала больше.

– Ты что, не слышала о силе мысли?

– Нет, – сказала я. Хотелось спросить, не он ли проник в мою голову и из-под вороха грязных и вонючих, как старое заплесневелое одеяло, воспоминаний достал то самое, которое поднимет мне настроение.

– Плохо. Очень плохо. Весьма и весьма скверно. – Ной сокрушенно покачал головой, повернувшись ко мне.

– Я поняла, – оборвала я. Ной не стал сдерживать белозу-

бую улыбку, и меня вновь посетило подозрение, что его настроение является зеркальным отражением моего собственного. Может, Ной действительно чувствует меня на эмоциональном уровне, и когда мне плохо, то и ему тоже?

– Будешь бутерброд?

– Спасибо, нет.

– Значит, да. Я прочел в одном журнале, что, когда девушка говорит «нет», это не всегда категоричное «НЕТ», ну, ты понимаешь... Там сказано, что зачастую, когда женщина говорит мужчине «нет», это пассивное «да», то есть она пытается завуалировать свое желание. Это правда? Что? Почему ты так смотришь? Я правда прочел это вон в том журнале!..

* * *

После завтрака я попрощалась с Ноем («обещаю, я ухожу не навсегда, а за своими вещами») и покинула особняк Харрингтонов, чувствуя на своей фигуре пристальный взгляд. С Кисой-Мисой на руках Ной глядел в окно. Треугольная мордочка питомца приобрела то же выражение, что у хозяйина.

Втянув голову в плечи и обхватив себя руками, я, собирая носками ботинок каждую дождевую каплю, добежала до машины и забралась в холодный салон. Мысленно уже составила план: вернуться в Тайную квартиру, поспать пару часов, принять душ и отправиться в район Дэйзи Келли. Да-

же если ее мать вновь испугается меня, я намерена выяснить имя Криттонского Потрошителя. Четкая схема действий давала ощущение устойчивости, ведь теперь я не просто стою на твердой каменистой почве — я знаю направление и уверенно шагаю в сторону цели.

Подгоняемая решимостью, я рассекала капотом машины туман и утреннюю морось, которая следовала за мной по пятам. Поднявшись в квартиру, я нерешительно замерла у двери и посмотрела по сторонам.

Я возвращаюсь в эту квартиру, зная, что двадцать девятого сентября тысяча девятьсот девяносто шестого года здесь случилось *странное*. Здесь собрались люди, которых случайным образом связала судьба. В этой квартире была Дэйзи Келли. Здесь я родилась. Здесь папа впервые взял меня на руки. Мама впервые приняла решение защищать меня ценой своей жизни.

Я вздохнула и вошла внутрь, закрыв за собой дверь и повернув ключ в замке. Ничего нового. Все те же белые стены и холодный пол, все тот же диван с пледом и подушками, все тот же старый стол с моими учебниками, кружкой и записями, собранными мамой.

Знал ли отец, чем она занималась? Нет, не думаю. Он оставил прошлое в прошлом, он воспитал меня так, чтобы я смогла защитить себя сама, когда их не будет рядом. Он воспитал меня так, чтобы, когда в груди становилось тесно от тревоги и страха, я не отворачивалась от беды, а шла вперед

и боролась изо всех сил. Так же, как поступали они. Папа бы не стал жить в этом безумии, в которое сознательно опустила себя мама. Она была милой болтушкой, его опорой, женщиной, которую он хотел защищать.

Нет, отец должен был догадаться, что она не оставит дело Дэйзи Келли в покое. Той ночью, когда она выбежала из дома и бросилась по направлению к заводу, в ней что-то переключилось. Когда она встретилась с Дэйзи, когда вытащила ее из лап опасности, когда впитала ее историю, мама изменилась. Появилась доска для улик. Фотографии покалеченных тел. Отчеты судмедэкспертов. Она улыбалась мне в лицо, а про себя думала, что это может быть в последний раз. На протяжении двадцати лет она изо дня в день до смерти боялась, что однажды проснется и не увидит меня.

Я тряхнула головой и подошла к окну. Сквозь туман едва угадывались очертания заброшенного завода. Если бы той сентябрьской ночью свет не загорелся, если бы мама не проснулась и не отправилась на кухню, она бы не увидела Дэйзи, идеальную жертву Криттонского Потрошителя. Она бы не последовала на помощь незнакомке. Следуя этой цепочке, итог напрашивался сам собой: *я бы не родилась*. Мама бы не испортила себе жизнь. Лили бы не отправила мне сообщение, ее бы не убил мистер Роджерс. Я бы не выступала в суде и не подвергла бы Джорджи опасности.

Я оборвала сама себя и направилась в ванную, оставив дверь распахнутой настежь. Прохладные струи ударили в

спину и в грудь, коснулись волос тяжелыми прикосновениями. Все мысли замерли, а вместо них я услышала только стук своих зубов. Когда холод стал нестерпимым, я сделала воду теплее и смогла открыть глаза.

Минутка жалости закончилась, и я с нетерпением ждала, когда голова коснется подушки. Дико хотелось спать, но больше всего хотелось проверить, насколько прав был Ной, хотелось убедиться, что ночные кошмары оставят меня в покое и больше не будет гроба.

Когда я выбралась из душа, оставив дверь распахнутой, и переоделась в спортивные штаны и футболку, зазвонил мобильный телефон. Я достала его из кармана куртки и прищурилась, силясь рассмотреть имя звонившего. *Доктор Арнетт.*

– Да, доктор Арнетт? – бодрым тоном ответила я и посмотрела на часы. Семь тридцать. – Доброе утро.

– Я не рано?

– Нет.

– Точно? – Я промолчала, и он со смешком сказал: – Конечно, нет, ведь доктор Айрленд никогда не спит и всегда наготове. – Я вновь промолчала, и он, посерьезнев, добавил: – В общем, твоя работа в архиве закончена. Наказание отменено.

– Почему?

– Ты против? – осведомился он. – Привыкла к запаху плесени?

– Нет.

– Вот и хорошо, Айрленд. Сегодня ты работаешь в ночную смену и будешь на подхвате у врачей «Скорой помощи», поняла?

– Да.

– В пять чтобы была в моем кабинете, я верну тебе бейджик.

– Хорошо. Спасибо.

– А теперь спи, – бросил он и отключился.

В пять быть в городской больнице. Все складывается как нельзя кстати. Копаться в архивах мне больше ни к чему, ведь медкарта Дэйзи Келли найдена, а этой работой может заняться первый курс. Сейчас есть время поспать четыре часа. Или даже пять.

С этой мыслью я забралась под плед, повернулась на спину и сложила руки на груди. Сегодня я чувствовала себя спокойнее и свободнее, чем вчера, потому что накануне целых двенадцать часов была Неизвестной и дочерью Криттонского Потрошителя. Сегодня я снова я – Кая Айрленд.

* * *

Это опять началось.

Когда мое дыхание стало тяжелым, а веки больше не подрагивали, когда запястья расслабились и я перестала слушать звуки с лестничной площадки, в мой сон проник Ной.

Мы сидели рядом на кухне особняка Дориана, за окном свирепствовала буря. Прыгало напряжение, свет на кухне то тускнел, то становился болезненно-ярким.

Ной молчал, и от дурного предчувствия мои предплечья покрылись мурашками. Почему-то я сразу решила, что случится что-то плохое.

– Почему ты молчишь? – Я первая задала вопрос, и Ной покачал головой, и вместе с этим в люстре над нами мигнул и погас свет. Он забрал вместе с собой шумы из особняка, оставив лишь удары громоздких капель дождя о прозрачное стекло. На его фоне едва угадывались очертания Ноя. Он по-прежнему молчал, и я почувствовала себя даже более неуверенной, чем прежде. Наступило осознание, что свет потух не из-за непогоды, а из-за Ноя. Это он высосал свет и шумы, потому что состоит из мрака. В его вселенной темнота гораздо сильнее, чем свет.

– Почему ты молчишь? – вновь спросила я в темноту. Хоть Ной и сидел передо мной на стуле, он не шевелился. Я даже не слышала его дыхание, будто *Смерть* покинула свой сосуд и слилась с мраком кухни. *Теперь он вокруг меня.* Ложится на мои щеки, плечи, колени, касающиеся колен Ноя.

– *Потому что ты боишься.*

Я вздрогнула, услышав голос Ноя – в моем воображении он представлялся восковой безвольной куклой.

– Ты мне по-прежнему не доверяешь.

– Доверяю! – заверила я, чувствуя в груди резкую боль от

обиды. *Я верю ему.* Верю ему больше, чем самой себе.

– Нет, не веришь. – Ной отрешенно покачал головой, и в темноте это движение было зловещим, не предвещающим ничего хорошего. И он по-прежнему не дышал, пугал меня всем своим существом.

Когда я моргнула, стараясь взять под контроль чувство страха, лицо Ноя оказалось прямо перед моим. Кончик его носа касался моего, дыхание чувствовалось на моих губах, казалось, абсолютная тьма проникает в мои глаза. И теперь я не дышала и боялась моргнуть.

– Если ты мне веришь, Кая, – прошептал он, – почему не спрашиваешь о нашей с тобой сделке? По-твоему, что такого страшного я мог с тобой сделать, что ты боишься даже думать об этом? *Ничего такого, о чем ты сама не просила.*

* * *

Я резко проснулась и схватилась за пистолет, будто могла выстрелить в сновидение, выстрелить в Ноя. В квартире было светло, сквозь пыльное окно сочился солнечный свет. Я снова легла на подушку и выпустила пистолет, чтобы обеими руками закрыть глаза. Ночные кошмары не исчезли и не исчезнут, они стали частью меня, потому что кошмары – это мое подсознание, которое перерабатывает и анализирует *вопрос.*

– Действительно... – Я задумалась, убирая ладони и хму-

рясь. – Почему я ни разу не спросила Ноя о том случае в клетке Стивена Роджерса, когда впервые умерла? Потому что забыла? Потому что были другие вещи, о которых я хотела спросить? Или потому что боялась узнать правду?

Его глаза только что были тьмой.

В голове всплыла картинка из сновидения, и у меня побежали мурашки по коже. Тьма – его естественное обличье? Он называл себя Безликим, что значит, что у него нет лица. А душа у него есть?

* * *

Как-то неожиданно для себя я вдруг оказалась перед калиткой дома Дэйзи Келли. На пороге что-то лежало. Почта. Я резко вскинула голову, отчего темя взорвалось болью, и посмотрела на окна дома. Никаких признаков жизни. Склонившись к порогу, я схватила почту и изучила ее. Одна из газет была трехдневной давности, значит, родители Дэйзи Келли не выдержали и уехали из Эттон-Крик. Может, стоит пробраться в дом и...

– Что вам нужно?

Я вздрогнула и обернулась на голос: на пороге соседнего дома стояла пухлая кудрявая женщина в махровом халате. В мочках ее ушей сверкнули серебряные серьги-кольца. Даже со своего места я заметила, что выражение лица незнакомой женщины было отнюдь не дружелюбным: или она приняла

меня за кого-то другого, или просто ненавидит людей, проходящих мимо ее дома.

– Здравствуйте! – громко сказала я и помахала ей конвертами, зажатыми в правой руке. – Можно с вами поговорить?

Женщина обхватила свое объемное тело руками, то ли защищаясь от меня, то ли из-за холода, и неуверенно спросила:

– Вы из полиции?

Я изумилась.

– Нет, я не из полиции.

– Журналистка?

– Нет, – ответила я. – Я не журналистка и не из полиции, но я ищу кое-кого. У меня была назначена встреча с доктором Келли, который работает в городской больнице. Вы с ним знакомы?

– Разумеется, я с ним знакома! – возмутилась женщина, издав какой-то странный звук вроде недовольного фырканья или хмыканья. Я медленно направилась к калитке ее дома, и женщина повелительно взмахнула рукой: – Проходите в дом, иначе еще сильнее заболите.

Я снова удивилась, но не так сильно, как когда женщина предположила, что я из полиции. Когда я вошла в ее дом, стянула ботинки и обула предложенные домашние тапочки, она скептически изрекла:

– Ну да.

– Что, простите? – Я выпрямилась, и она подняла голову чуть выше, чтобы смотреть мне в лицо. Она поджала губы.

– Издалека ты выглядишь старше своих лет, но сколько тебе на самом деле – двадцать один или двадцать два?

– Двадцать.

– Гм... Приготовлю-ка я чаю, выглядишь ты просто ужасно. Проходи на кухню.

Я пошла следом за хозяйкой дома, которая принялась рассказывать о том, как ее муж собственноручно собрал травы для чая, наполняя их здравомыслием и силой воли. Затем она добавила, что он вот-вот вернется домой, будто думала, что я собираюсь что-нибудь у нее украсть.

– Не стой в дверях, входи на кухню. Сюда, к столу. Итак, что тебе нужно от доктора Келли?

– Мне нужен он сам. Я по личному вопросу.

– Дать тебе градусник?

– Простите? – Хозяйка дома уже в третий раз поставила меня в ступор, а я ведь даже имени ее не знаю.

– Дать тебе градусник? Садись! – Я осторожно присела на стул. – Кажется, у тебя температура.

– У меня нет температуры. Позвольте расспросить вас о докторе Келли и его жене. Куда они отправились? Как скоро они вернутся?

– О, так ты ничего не знаешь? – Она смотрела на меня сверху вниз так, что два подбородка коснулись внушительного бюста. Я ответила на риторический вопрос невозмутимым молчанием, и женщина пояснила: – Они навсегда покинули Эттон-Крик. Это место проклято.

Не могу не согласиться, – мрачно подумала я.

– А вы не знаете адрес места, куда они отправились? Вы сказали, что Эттон-Крик проклят? Это их слова?

Хозяйка дома кивнула:

– Они видели призрак своей дочери.

Я почувствовала, как сердце в груди перевернулось от безысходности и злости. Выходит, в тот день миссис Келли действительно увидела во мне Дэйзи.

– Призрак?

– Поистине жуткая история, – поделилась женщина, кивая. – Лара повсюду видела свою покойную дочь. В отражениях стекол машин, в витринах магазинов, на противоположной стороне улицы. Недавно к ним в дом, рассказывал Берд, кто-то забрался, и у бедной Лары совсем сдали нервы.

– Она верит в привидения? – перебила я душещипательную историю. Слыша их имена, я не могла не вспомнить: «Пока не поздно, избавьтесь от ребенка. Мозг младенца поврежден, так и жди беды».

– Разумеется, верит! – возмутилась женщина. – Так может, все-таки дать тебе таблетку? – Она прищурилась, и я мысленно попросила ее не касаться моего лица. Она не коснулась. – Температура может подняться.

– Вы врач? – вежливо спросила я, сглатывая болезненный комок в горле и поднимаясь на ноги.

– Я? – Она покачала головой. – Я медиум.

Я с этой женщиной даже не знакома, говорю с ней не боль-

ше десяти минут, а она уже удивила меня четыре раза. Я не подала виду, что отношусь скептически к профессии хозяйки дома, зато отметила характерные признаки оккультизма: на каминной полке стояли незажженные черные свечи, рядом – книга в черном переплете. Из камина доносился запах то ли ладана, то ли полыни.

Быстро отметив все эти детали, я тут же сосредоточила внимание на женщине, стоящей напротив. Ее подбородки исчезли, когда она подняла голову.

– Итак, вы сказали миссис Келли, что ее преследует при-
видение, – заключила я.

– Верно.

– И посоветовали покинуть Эттон-Крик, потому что он проклят.

– Снова верно, – она усмехнулась.

– Но вы не спросили у нее адрес, чтобы убедиться, все ли с ней в порядке и не тревожит ли ее дух усопшей дочери?

Женщина покачала головой с таким видом, будто я задаю самые глупые на свете вопросы, в то время как я изо всех сил старалась держаться в рамках вежливости.

– Нет, мне это ни к чему. Духам не суждено покинуть Эттон-Крик, чтобы следовать за своей целью. Это запертое место. *Поэтому ты навсегда останешься здесь, Кая Айрленд.*

Я содрогнулась от ужаса.

– Что вы сказали?

– Когда?

– Только что. Что вы только что сказали?

Теперь уже я привела хозяйку дома в замешательство. Она поворачивала глазами, затем пожала плечами:

– Ничего особенного. Сказала, что призрак дочери Лары не последует за ней. Отсюда нет выхода. С тобой все в порядке?

– Да. Мне пора. Домой. Спасибо за... разговор, – нашлась я и, громко топая, удалилась по коридору. Пока я зашнуровывала ботинки, женщина-медиум стояла над моей душой, буравя взглядом затылок. От мрака в прихожей мне стало дурно. Хотелось на свежий воздух. На холод.

– Точно все в порядке? – спросила женщина, коснувшись кончиками пальцев моего выгнутого позвоночника. Я поспешно выпрямилась и кивнула.

– Да. Мне пора. Спасибо за разговор.

– Ну что ж. – Она невесело улыбнулась, будто я была ее дочерью, которая слишком рано покидала родной дом. Я распахнула дверь и поспешно сбежала по ступеням вниз. – *Приходи еще, Кая Айрленд.*

Приступ клаустрофобии все не проходил, клетка давила на меня даже здесь, во дворе.

– *Хотя куда тебе еще деваться,* – услышала я за спиной голос, – *ведь Эттон-Крик не отпустит тебя.*

Я забралась на водительское сиденье БМВ и с грохотом захлопнула дверь, а затем заблокировала себя внутри салона. Сердце бешено колотилось, а я даже не могла понять, что

именно меня напугало.

Я много чего видела, так в чем дело? И разве я верю в привидения? Абсолютно нет. Это антинаучно. Кроме того, в магазине Лара видела не призрака, а меня. И в ее дом пробралась я, а не мистическое привидение.

Нет...

Проблема в том, что я больше не знаю, что реально. Я сама нереальна, я не человек, а мое настоящее тело находится в гробу в особняке Харрингтонов. Аспен видит смерти, а Ной и есть сама Смерть...

И разве я сама – не призрак?

Я покачала головой, постепенно приходя в себя. Когда коснулась лица, почувствовала настоящий, немифический жар, который теперь ощущался даже сильнее, чем прежде. Может, странная женщина была права, и я заболела? Я никогда не болела, а тут раз – и заболела. И от этого мне стали мерещиться дикие вещи.

Все верно. Всему есть логическое объяснение.

Когда я завела двигатель и посмотрела на покинутый дом Келли, поняла, что допустила ошибку. Из-за пугающего поведения соседки-медиума я совершенно забыла спросить о том, не жил ли поблизости двадцать лет назад мальчик, имя которого начиналось на Д.

Возможно, Лаура вспомнит, как Олива рассказывала о подозрительном парне по прозвищу Ди? Она жила в Эттон-Крик, она могла что-то знать. *Если нет, придется попро-*

сить детектива Дина вновь выяснить все на работе, но как же мне этого не хотелось!

* * *

Когда Аспен Сивер почувствовал, как в ноздри проникает смердящий запах крови, пота и *сырого сена*, он вместо того чтобы распахнуть глаза и убедиться, что находится там, где находится, наоборот плотнее сомкнул веки. Он попытался вновь отключиться, чтобы не слышать шелест высоких желтоватых стеблей кукурузы, напряженного, гудящего, как ток по проводам, свиста ветра, – но ничего не получилось. Свист продолжал нарастать и становиться все злее и злее, и тогда Аспен тяжело вздохнул, его грудь в больничной рубашке поднялась и опустилась, а затем он, окончательно сдавшись, разжал сжатые в кулаки ладони и распахнул глаза.

И тогда мир закрутился и завертелся, и если бы Аспен пытался *не внутривенно*, его бы вырвало сию секунду. Калейдоскоп красок прыгал перед глазами, разноцветные полосы несли Аспена куда-то вперед, тянули, обхватив за запястья, и вот, когда он, прищурившись от сильных порывов яростного ветра, посмотрел перед собой, то не удивился. Он уже смирился с тем, что вынужден каждый день, каждый час, каждую секунду наблюдать за истекающей кровью Каей Айрленд. К своему ужасу, он вдруг осознал – именно сейчас, когда она изможденно склонила голову на поднятое вверх пле-

чо, – что ему ее даже не жаль. Наблюдая многие часы за тем, как ее истязают, ломают, рвут, пинают в живот, режут, тянут за волосы, а иногда даже *нюхают* (раньше всякий раз Аспена тянуло блевать), он вдруг стал бесчувственным и отстраненным. И он осознал, что даже находясь взаперти в собственном черепе, он не находится в безопасности. Если бы, думал Аспен, высшие инстанции подкинули бы ему удобное кресло перед распятым телом Каи Айрленд, он бы просто плюхнулся в него и закрыл глаза. Потому что он устал смотреть, зная, что ничем помочь не может. Он абстрагировался от всего – в первую очередь от своих чувств, от бьющего в ноздри запаха, который осел во рту противным привкусом, и уже затем – от *звуков*.

Но нельзя было.

Он отошел к окошку и присел на корточки, откинув голову назад и глядя на Каю Айрленд и Леду Стивенсон из-под прикрытых век. Кая спросила:

– Ты разве не хочешь помочь мне?

В ответ послышалось слабое хныканье.

– Хочу, но он убьет меня.

Да, да, да, – скептически протянул про себя Аспен. И произнес одновременно с Каей одни и те же слова:

– Я не позволю этому произойти. Только вытащи гвоздь там, наверху.

Кая вскинула голову вверх, и Аспен проследил за ее взглядом. Но перед этим он заметил, как вытянулась ее шея, как

напряжена гортань и выступили жилы из-под влажной от крови рубашки.

Аспен знал, что будет дальше – его видение всегда обрывалось на одном и том же месте. Сейчас Леда подчинится Кае и вытащит этот гребаный гвоздь, к которому Аспен ни разу так и не смог прикоснуться.

Они продолжали болтать, и болтать, и болтать.

А затем вдруг все внезапно изменилось, когда он услышал странное, незнакомое слово. Нет, Аспен, конечно, слышал его, однако не здесь, не в видении. Это был голос откуда-то извне, снаружи:

– *Беременна.*

Слово было вырвано из контекста – Аспен понял это по тональности, но и его было достаточно, чтобы он вскочил на ноги и наострил уши. В груди вновь, впервые за много дней, так сильно и с каким-то остервенением и страхом забилось сердце.

– Что? – спросил он как дурак, оборачиваясь вокруг своей оси, но кроме голосов Каи и Леды, он абсолютно ничего не слышал. Аспен крикнул громче: – *Что ты сказала только что, Кира?!*

Кира Джеймис-Ллойд, сидящая у койки Аспена, обернулась, почувствовав, будто кто-то пристально наблюдает за ней. За спиной никого не оказалось. В палате было сумрачно – только тусклый свет от лампы разгонял черноту да свет из коридора лился в приоткрытую дверь палаты.

За окном давно сгустилась ночь, угрожающе выл ветер, качая из стороны в сторону верхушки деревьев, выстроившихся в ряд вокруг больницы. Кира с сомнением и страхом отвернулась к молчаливому Аспену.

Это ведь не отец стоит за ее спиной? Не он наблюдает за ней? Не он хочет ее спасти?

Она вспомнила слова Каи.

Теперь она постоянно вспоминала ее слова.

Он мертв, Кира.

Твой отец мертв.

Она слабо улыбнулась Аспену бледными, искусанными губами, затем поцеловала в щеку и шепотом произнесла:

– Наконец-то мои страшные сказки закончились, но счастливого финала так и не наступило.

Она вновь прильнула к его губам.

– Прости, Аспен, прости меня, пожалуйста.

* * *

Лето 2013

Кира не хотела расставаться с Аспеном – ее начинало мучить от одной только мысли о том, что он будет в другом городе, в тоскливом Эттон-Крик, в то время как она, Кира, будет загорать на пляже, носить бикини и наслаждаться солнечными лучами. Она загорит, скинет пару килограммов, сделает модную стрижку и вернется такой красавицей, что

он потеряет дар речи. *Хотя он и так не особо многословен.*

Кира коснулась татуировки и улыбнулась. Отец тут же выразительно глянул в ее сторону, будто за завтраком она совершила что-то непростительное, но затем вернулся к тарелке.

Киру опять замутило.

Мама, сидящая слева от отца, будто ничего не замечала. Она аккуратно расстелила на коленях салфетку и принялась за завтрак, а затем задала *непростительный вопрос*:

– Как Аспен?

Кира со страхом глянула на отца и увидела, как тот скривился. Затем ее взгляд переместился чуть в сторону, чтобы зафиксировать, как сильно покраснела от ярости его шея и как противно лоснятся от пота его седеющие на висках волосы. А затем улыбнулась маме, выражением глаз намекая, что эту тему лучше оставить. Мама поняла все без слов и, кивнув, вернулась к яичнице. На несколько минут за столом воцарилась тишина.

Отец погрузился в глубокую задумчивость, мама внимательным взглядом вперилась в страницу остросюжетного любовного романа, а Кира вновь окунулась в сладкие мечтания. На этот раз она трижды прокрутила на безымянном пальце кольцо с халцедоном – подарок Аспена.

В последний раз они виделись аж три недели назад, и теперь Киру охватывало мучительное томление по крепким рукам с выступающими мышцами, спокойному взгляду и

чуть хрипловатому голосу. Кира даже скучала по его *запаху*. От Аспена сильно пахло гелем для душа и кофе и чуть слышно бензином и машинным маслом.

Кира отрезала кусочек пирога, лежащего перед ней на тарелке. Прожевав, она попыталась проглотить его, но кусок застрял в горле, а желудок сжало спазмом. Захлопнув ладонью рот, Кира вскочила на ноги, едва не опрокинув стул. Мама всполошилась, поднимаясь следом.

– Ты заказал пирог с мясом? Кира вегетарианка!

– Никакого мяса. Наверное, отравилась. Или *этот* ее заразил чем-нибудь.

Но Кира не отравилась. И Аспен ее ничем не заразил.

Все стало понятно еще в ванной комнате, куда скользнула Кира, а следом мама.

– Малышка... – Она нежно погладила Киру по спине. – Ты беременна?

У Киры пополз мороз по коже.

– Н-нет...

Она выпрямилась и обернулась, вытаращив от ужаса глаза.

– Нет, мам, нет конечно!

– Кира, – мама решительно взяла ее за щеки. – Не паникуй. Может, ты действительно отравилась? Или перегрелась на солнце? Или... – Мама покачала головой, быстро соображая, взгляд бегал по лицу Киры, от которого разом отхлынула вся кровь, в поисках ответа.

– Ну что там? – В дверь ванной постучал отец.

– Все хорошо, – бодро ответила мама.

Кира в это время открыла кран и сполоснула лицо и рот.

Ничего не хорошо.

Ее подташнивало уже давно, но она думала, что это...

*морская болезнь, смена часовых поясов, пьяные пристава-
ния отца, перегрев на солнце...*

Она прислонилась к холодному кафелю, прижав обе руки к груди и часто дыша. Сердце колотилось словно сумасшедшее.

А вдруг она действительно... *беременна?* Что тогда? Что с ней сделает отец, если узнает? А с Аспеном? *Убьет их обо-
их и даже не пожалеет.* Киру передернуло. Она распахнула глаза, услышав, что мама открыла дверь и вышла к отцу. Сделала вдох. Паниковать рано. Она просто чуточку приболела. Через минуту ее дыхание выровнялось, сердцебиение стало спокойнее, и вдруг против воли она попыталась вообразить, как бы отреагировал Аспен. Он удивился бы? Обрадовался? Разозлился?

Почему-то Кира была уверена, что он не стал бы злиться. Он обращался с ней как с принцессой, как с нежным тонким деревцем, ветви которого еще не окрепли, как с дикой яблоней, которая только-только начала давать плоды.

Я скучаю по тебе, Аспен, так скучаю...

Они с мамой решили не оттягивать вынесение приговора и на следующий же день отправились в больницу. Кира чувствовала себя дурно, у нее поднялась температура, а голова стала такой тяжелой, что еле отлепилась от плеча матери, когда водитель такси объявил остановку.

Кира до смерти боялась. У нее в голове крутились хорошим словом: *«университет, будущее, Аспен, отец нас убьет, университет, будущее, Аспен, отец нас убьет. Отец нас убьет»*.

– Отец нас убьет, – прошептала Кира, подавившись слезами, когда врач преподнес прекрасную новость. Мама крепко сжала ее ладонь, выдавая напряжение и испуг. На руке Киры напряглись бицепсы – так крепко она вцепилась в сиденье стула, затем вскочила на ноги и бросилась прочь из кабинета.

– Милая, – позже сказала мама. Голос ее был тихим и успокаивающим. – Ты думаешь, Аспен...

– Дело не в Аспене, мама! Я не боюсь его, просто... Мама, отец убьет меня. Он сумасшедший. *Ты же знаешь, что он с нами сделает...* – голос Киры сошел на нет, когда лицо мамы окаменело. Наконец она поклялась:

– Он с тобой ничего не сделает. – Ее пальцы так крепко вцепились в Киру, что та охнула. – Мы с тобой справимся.

Но Кира знала, что они не справятся. Она не справится.

Крепко обняв маму за шею, она принялась плакать с новой силой.

* * *

Аспен, как мне было больно! Я кричала громко и отчаянно, когда отец узнал о нашем ребенке. Он сошел с ума! От него воняло потом и моей кровью. Он обзывал меня шлюхой, когда пинал по ребрам и в живот. Он выкручивал мои руки, а затем в клочья разорвал твою белую футболку, которую я забрала с собой, чтобы чувствовать тебя на себе.

Он сорвал с меня всю одежду и опрокинул на кровать. Я точно помню, как противно скрипнули пружины. Помню, как щелкнула пуговица на его штанах. Никогда не забуду, как я съезжилась в комочек, прижимая колени к животу и прикрывая руками голую грудь.

Где была мама?.. Он ударил ее в висок чашкой от кофе. Пока она лежит на кухне без сознания, истекает кровью, но когда придет в себя и обнаружит меня голую в их постели, когда увидит, что со мной сделало это чудовище, она убьет его. Но пока меня никому защитить.

Аспен, он никогда меня раньше не трогал. Не в этом смысле. Он избивал меня и маму до крови; душил до посинения, так, что на его руках выпирали вены и дрожали от напряжения щеки.

Это не длилось бесконечно – однажды мы с мамой все-

таки сбежали. Мы были счастливы целых два дня. Но отец поднял на уши полицию, и когда нас нашли, он обвинил маму в похищении. Ты представляешь? Но это было до тебя.

Он клялся, что больше никогда не поднимет на нас руку. Но он лгал. Он солгал, потому что он был внутри меня. Там, где твое место, Аспен. И когда он терся о мое тело своим мерзким брюхом, он произносил твое имя. Он спрашивал, так ли ты хорош, как он.

Я хочу умереть, но не могу.

Я хочу убить его, но не могу.

Я хочу увидеть тебя.

Но я не могу больше.

*** * ***

Осень 2013

Вернувшись в Эттон-Крик, Кира Джеймис-Ллойд вдруг с удивлением обнаружила, что здесь ничего не изменилось: все те же замкнутые люди с отстраненными лицами и в темных одеждах, горы и окутанные туманом деревья, затянутое облаками небо...

Как Кира и мечтала, она похудела и загорела. Но она стала уродливой. Настоящей уродиной в красивой одежде, с красивыми волосами и стройной талией. Уродливая и мерзкая.

Она не сразу вернулась к Аспену.

Несколько дней она слонялась по своей квартире, пугаясь

каждой тени, прислушиваясь к каждому шороху. Ей повсюду мерещился отец. Он ходил в квартире наверху. Он стучал в дверь ванной комнаты, когда она принимала душ. Ломился во входную дверь. Трогал ее нижнее белье. *Трогал ее.*

Тогда Кира не выдержала и вернулась к Аспену.

Она собрала все самое необходимое в дебильный розовый рюкзачок из прошлой жизни и, будто попрошайка с улицы, слабо постучалась в дверь его квартиры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.